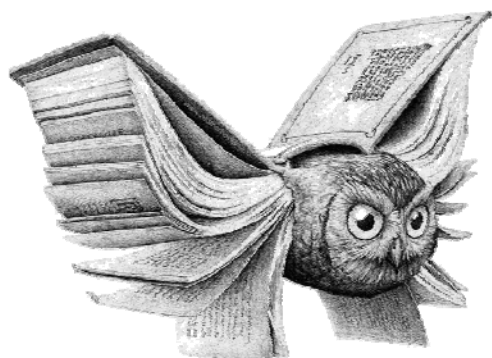
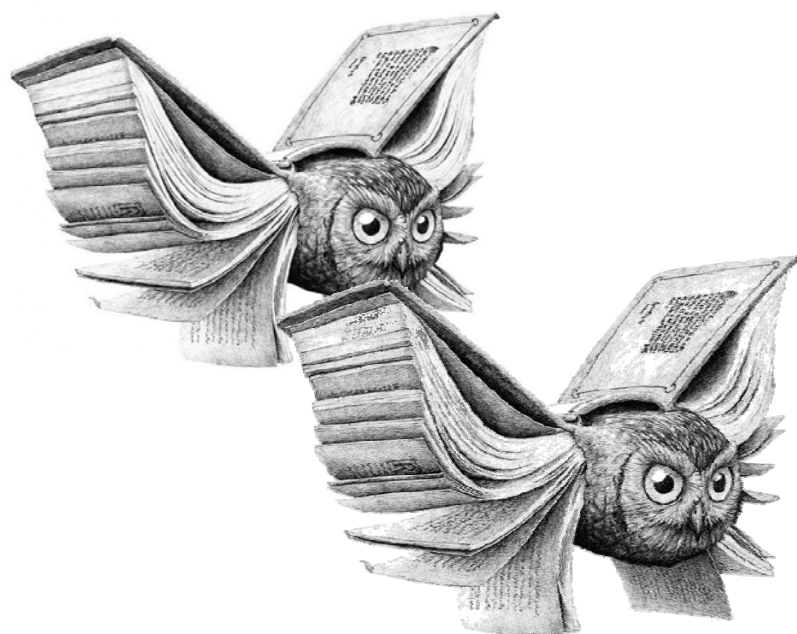

№ 1 (14)' 2019
Март

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Арапова Э.Б. – кандидат философских наук, доцент Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор, Тюмень

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтеГРА"

Янков И.В. – кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	7
Крылов Д.А. Дискурс кривых стен	7
Амир Ст-н. Мифогенное сознание и тупики профанного существования	17
РАЗДЕЛ II. ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ	26
Черняк Е.Г. Трансформация регионального хозяйства в условиях приграничья	26
РАЗДЕЛ III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	40
Коновалова Л.И. Сравнительно-сопоставительный анализ «Слова о полку Игореве» и «Песни о боевых колесницах» Ду Фу	40
Петухов С.В. Восприятие и интерпретация русской литературы в системе образования Китая	46
РАЗДЕЛ IV. NEMO NASCITUR DOCTUS	53
Федоров О.А. Молодежные парламентские структуры как фактор развития молодежной политики в Забайкальском крае	53
Шкирин П.Б. Демографическая политика государства и проблемы воспроизводства населения в современной России	58
РАЗДЕЛ V. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ	63
Бердяев Н.А. Духи русской революции	63

ОТ РЕДАКТОРА

Находится ли современная цивилизация *Homo sapiens* во всем своем разнообразии в тупике, за которым уже не светит ничего нового? Предсказания грядущего миллениума или апокалипсиса также не несут в себе новизны, да и как могло бы быть иначе, если они опираются на мировоззренческие взгляды двух тысячелетней давности. Научное мировоззрение по-прежнему выглядит бедной падчерицей, с которой едва считаются и терпят лишь за техническую продукцию, которую принимают за несомненные достижения человеческого ума. По понятным причинам сами люди в своей массе ничего в этом не смыслят и живут, опираясь на смутные представления, автоматизмы и мифы. Умных они не любят и боятся.

Сегодня перестали читать научную фантастику. Да и сам жанр НФ почти исчез, утонув в тоннах фэнтези и параллельных миров. Обыватель живет упрощенными взглядами, где уже нет места развитию, а есть только повторы из уже известного. Поверхностность таких повторов вполне соответствует данной модели поведения. Обыватель не нуждается в интеллектуальном напряжении и у него нет потребности в творческом огне. Это род скорбных умов обреченных на блеклое существование и любящих сказки или мифы, где все происходит «по щучьему велению, по моему хотению». Их ведут на «Поле Дураков» неизменные кот Базилио и лиса Алиса. Ведь они законная добыча всевозможных фриков, мракобесов, обскурантов, пророков, мистиков или просто трикстеров.

Лучше всего проходят нарративы, где провозглашается торжество духовных, но пока обездоленных людей, над погрязшими в материальном благополучии, но духовно отставшими и сексуально развращенными жителями Запада. Самодовольство и желание праздника подменяют здравый смысл и критические воззрения о невозможности сказочного прыжка из царства юдоли в мир молочных рек и кисельных берегов. Этот своеобразный карго-культ ориентирован не на создание условий для развития и достижения

цели, а на качество ритуала. В крайнем случае, мы готовы наказать весь остальной мир, которому нет дела до нас и нашей особой духовности. Правильный мир должен быть только для правильного народа.

Мир полон разочарований основанных на пустых надеждах. В основании этих надежд лежат иллюзии, которые плодит ум красивых оберток. И это не сентенции разочарованного в жизни скептика, а лишь безумная попытка уподобиться пророчице Кассандре, которую никто не хотел услышать. Ведь речь идет не о слабых надеждах на изменение судьбы или стечения обстоятельств, к которым, как правило, приводят необдуманные поступки самих людей. Это стихийное начало присутствует в любом из нас. Системные заблуждения намного опаснее, как и порождаемые ими иллюзии, обещания всеобщего благоденствия. Здесь многое связано с пассивным воображением, готовым к восприятию обещанного рая как уже почти свершившимся. Творческим воображением, которое для Альберта Эйнштейна было ценнее знания, тут и не «пахнет» так же, как и знанием.

Архаические духовные практики оказываются ближе к пралогическому мышлению Нового Средневековья, нежели интеллектуальный прорыв в ХХI век. Готовность принять ярмо покорного серва и быточное желание жить по уставу и принятым всеми верованиям убивает волю к саморазвитию. Подражать всегда проще и удобнее тому, что, как бы известно. Ну а если вспомнить, что со времени отмены крепостного права в России, случившемся в марте 1861 года, прошло каких-то 158 лет, то и ретроградное движение вполне оказывается в духе «вечного возвращения» и кливажа. Даже «побег» в светлое будущее не изменил людей и не избавил их от подчиненности правителю и его слугам. Хотя, других оснований власти они и не смогут принять.

Приучать народ к наукам или просвещению находится в явном противоречии с утверждением государственных скреп и оград для содержания живого ресурса. Здесь даже образование выглядит не более чем внешней формой приобщения к фиктивному капиталу. Полученные знания не

несут с собою приобретения социального статуса и достигнутые результаты не влияют на стремление к профессионализму. В большинстве своем из вузов выходит серая масса отучившихся посредственностей. Страшно смотреть на их мучения во время написания выпускных квалификационных работ. Больше всего их напрягает необходимость обходить проверку на оригинальность работы (по непонятной причине программа называется «Антиплагиат»), которая должна превышать 60 – 65%. О своей науке они постараются поскорее забыть. Бакалавр или магистр, а теперь и доктор наук, ничего не стоят на весах бюрократического самодурства и самовластия.

Принуждение к науке формирует устойчивую неприязнь к самим формам получения знаний и, соответственно, к тем, кто эти знания рождает. Девальвация научного знания становится повсеместным явлением и делается это под строгим контролем со стороны авторитарного государства. Полеты на Луну или Марс уже не имеют смысла в качестве двигателя человеческой мысли и ожидания грядущего расцвета человеческой цивилизации. Во всяком случае, речь идет здесь не о прогрессе и утверждении целей гуманизма, а о некоем формате поддержания имперского самодержавия, где все великие свершения и духовность оказались в прошлом.

Тупики этого пути вполне понятны и едва ли дает даже маленький повод для оптимизма в социально-политической системе, которая, как говорится, «скукоживается» и готова уйти на дно во всей своей «красе». Правда, можно это сделав вместе со всем человечеством, показав наконец-то миру, где живет мать Кузьмы. Этот «героический» шаг станет актом раскрытия скрываемой веками натуры, где темное подсознание кипит и рвется наружу из-под гнета столь же темного всевластия. Древнее хтоническое начало, зверь земли, эта дикая мощь почвы с легким налетом цивилизованности оборвет ее сдерживающие цепи и убежит, куда глаза глядят. И при чем здесь вся эта наука, рефлексия, зовы к мудрости и знания?..

Но ведь и речь шла о наступлении Темных веков. Упадок ценности научных знаний как стремления к познанию и изменению мира, страх перед

собственной творящей природой, толкает обратно в пещеры или к воспеванию умиротворяющей сельской пасторали. Нафталином и ладаном пахнет всюду, превращая интеллектуализм в нечто противное духовным скрепам вечного Третьего Рима. Догматизм по определению не способен к встрече и диалогу со свободным мышлением. При университетах появляются часовни, призванные окормлять верующих, но едва ли способствующие умножению научных знаний. Ретроградное движение сказывается на осознании будущих свершений, без которых наука немногим отличается от ремесленничества. И это несмотря на то, что во всем мире растет количество научных центров и осваиваются передовые технологии.

Некоторым сторонникам фэнтези мнится, что героический эпос только выигрывает от обращения к магии или заклинанию мира и он нужен современному человечеству, которое, в духе Юлиуса Эвола, стало неотъемлемой частью упадочного мира. Поэтому мне ближе некое умозаключение неизвестного ценителя НФ, приводимое его оппонентом А. Бирюковым: «Лично для меня, изобилие фэнтези в скобрных умах читающей публики – один из признаков деградации разумности homo читающих и homo пишущих. Эльфы, гномы, прочая нечисть и обязательная "магия". То бишь та маловразумительная субстанция, что не требует от автора (да и от читателя) элементарных знаний, хотя бы в рамках школьного курса физики. Фантасты прежних времен звали человека за собой ввысь, к звездам. Щелкопёры наших дней утягивают за собой, в дурманящие подземелья, исполненные средневековой мистики и непроходимой тупости».

Побег в прошлое и жесткая установка на охранительство, организованные сторонниками авторитарного ископаемого консерватизма, не может увенчаться успехом, но, возможно, породит новые Темные века, за которыми обязательно должно наступить Возрождение и торжество разума.

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

Дискурс кривых стен

Аннотация: В статье предлагается специфическое прочтение российской действительности, страны как бы изначально с деформированными институтами и формами социального бытия. Нагромождение из временных сооружений находится в диссонансе с внутренними ощущениями утраты свободы. Тоска по вольной жизни не оставляет людей, но вырываются немногие. Это разрывающие все условности космополиты, понимающие ценность жизни вне границ и стен. Другие в своей массе обречены обеспечивать существование стен, давно превращенных в узилища и загоны для биоресурса.

Ключевые слова: Кривые стены бытия, симулякр, фетишизм, химера, космополиты, метафизика загона.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

Discourse of curved walls

Annotation: The article offers a specific interpretation of the Russian reality, the country as if initially deformed institutions and forms of social life. The conglomeration of temporary structures is in discord with the internal feelings of loss of freedom. Longing for free life does not leave people, but few break out. They are cosmopolitans breaking all conventions, understanding the value of life beyond borders and walls. Others are in the mass condemned to ensure the existence of the walls, long ago turned into the dungeon and lots of bioresurs.

Keywords: The curves of the walls of being, simulacrum, fetishism, chimera, cosmopolitanism, the metaphysics of the corral.

Спрятался в тени подъезд.
Лестница ведет ко мне.
Нараспашку дверь.
Кривые стены с потолком,
Кривые тропы под окном;
я кривой...
Алекс Оно. Кривые стены.

По утверждению знающих специалистов кривые стены не беда, особенно для тех, кто знает, как можно замаскировать недостатки, производные человеческой халатности, недалекости, жадности и глупости. Хотя, как оправдание, можно было и не учесть природных факторов, которые существуют сами по себе, внося диссонанс в человеческое существование. Но, как мы должны понимать, это слабые оправдания для ограниченного ума, который всегда мирился с обстоятельствами и довольствовался принятыми правилами. Поэтому и проще подклеить, подлепить, подправить, подкрасить, создать иллюзию объема, найти способ обмануть собственное зрение.

В постмодернизме есть понятие симулякра, множественной копии теряющей связь с оригиналом. То, что в итоге появляется уже другое и внешне и по своей сути – это химера, прикрытая известным понятием как личиной. Дробящееся и постоянно фрагментируемое мышление людей уже не способно увидеть даже отдаленной целостности. Мир как некогда в древности воспринимавшийся как Terra Incognita, таивший в себе всевозможные угрозы, от склочных и мстительных богов, до безжалостных хищников и беспощадных человекоподобных особей, сегодня не стал гуманнее. Поэтому и история стен не завершена. От малых стен помещений и домов до стен внешних люди строили то, что должно было формировать комфортное или удерживающее (тюрьма, казармы) пространство, ограду от внешнего мира.

Итак, что же не так с нашими стенами? Стена, прежде всего, некая конструкция, разделяющая территорию на принадлежащее к внутреннему миру пространство и внешний мир. Устойчивость конструкции, естественно, принималась всегда по умолчанию, так должна была быть прочной и оберегать от внешних угроз. Но то, что оберегало, могло превращаться и в то, что ограничивало и препятствовало, как, скажем, дело обстояло с двумя стенами – Великой китайской и Берлинской, препятствовавшим уходу народа за пределы контролируемого пространства. Именно здесь мы и обнаруживаем первую подмену смысла или, пока, только более широкое прочтение.

Реальность всегда избыточна для людей, сознание которых формируется традициями и табу. Подстраиваясь под реальность, они вынуждены домысливать ее в рамках обыденного мироощущения и предзаданного опыта. Тем самым, происходит искажение первичного, где сами искажения уже не повторы, а самостоятельные нарративы. И до тех пор, пока люди не сформировали некие образы защиты и не экстраполировали их на более значительные объекты, используемые ими временные жилища и стены, не имели сакрального обозначения. Однажды стены стали оградой для публичного пространства. В этом пространстве оказались замкнуты те, кто признал власть стен и их сакральный ордер.

Сакрализация власти привела к соответствующему наделению места ее пребывания божественной атрибутикой. Не растекаясь далее мыслью по древу, переведем разговор к итогу – священному телу государства, подлинному симулякру, созданному и поддерживаемому авторитарной властью. Место предстояния и поклонения высшим силам, богам или Богу, как и институт жрецов-посредников, появились в одно и то же время. Акт фетишизации породил массовое заблуждение в виде идолопоклонства. Как отмечает П. Бурдьё: «Политическое идолопоклонничество заключается как раз в том, что ценность, придаваемая политическому персонажу, этому продукту человеческого мозга, кажется чудесным объективным свойством личности, ее шармом, харизмой» [2, с. 233-234].

Фетишизация политического тела и его границ в качестве большого жилища для своих – Фатерлянда, одушевление неживого и наделение его сверхсущностным началом, породили структуры власти и институты самоосвящения. Вера в доброго правителя неизменно возникает из понимания блага политического тела, призванного оберегать своих детей-подданных. Соединение с пространством и его видимыми и невидимыми стенами делает носителя власти сувереном *in fact*. Именно здесь и происходит искривление бытия, самообман и торжество посредственности, лишенной воли к совершенству.

Отказывая миру в развитии, креационисты не спешат объяснить несостоятельность человечества в устройстве совершенного бытия. Если это проделки дьявола и его приспешников, то надо тогда надо объяснить их невероятные успехи в деле одурманивания людей. А ведь именно им и приписывают искривление бытия. Означает ли это, что и ложь системы со всеми ее подменами понятий, такой же продукт навеянный потусторонними силами? Господь не создавал государств и если принять идею Тертуллиана: «Не угодно Богу то, что он сам не произвел (*non placet Deo quod pop ipse produxit*)»... «чего Бог не пожелал, то и не следует измышлять (*quod Deus noluit utique non licet fingi*)» [8].

Не вторгаясь в теологические изыскания, отметим, что тема искривления бытия волнует людей давно. Пребывая в созданном пространстве, человек либо смиряется с предзаданным существованием, самообманывается, либо ищет выход в побеге. Бунт зачастую оказывается формой побега из одних декораций в другие со слабыми изменениями в содержании. Кардинальные изменения предполагают наличие известных представлений в прошлом, дающим санкцию на воспроизводство новых представлений. И если этого нет, то и надеяться на изменения крайне сложно. Осмысление этой идеи мы можем найти у Роберта Патнэма, описавшем на примере итальянских регионов успехи по продвижению демократических

устоев там, где для этого уже существовали или отсутствовали определенные традиции [Патнэм].

Изживание «кривых стен» – процесс, требующий изменений в системе доместикации подрастающих поколений. Качество социального капитала напрямую зависит от условий, в которых он сформирован. Впрочем, следует учитывать, что изменения должны коснуться и тех, кто управляет готовым обществом. Именно они ответственны за сохранение косности общественных устоев и воспроизводство прежних условий существования. Поэтому все инновации и выглядят здесь как некая пародия на то, что характеризует успешные развитые страны. Кривые начала, надо полагать, имеют глубинный характер. Побег же от них, рассматривается как утрата чувства патриотизма.

Патриотизм играет роль связи между политической системой и подданными, обязанными пребывать в описанном границами пространстве и верить в свою исключительность. Разумеется, этот метафизический конструкт закольцовывает людей на себя, лишая их свободы и желание выбора. Коллективное бессознательное в виде объявленного менталитета растворяет любое стремление к осознанию своей индивидуальности, жизни вне исходного топоса.

Деформируемое автократической властью жизненное пространство едва ли пригодно для проявлений индивидуализма. Помпезные презентации величия, разумеется, не имеют ничего общего с естественным развитием, которое достигается за счет свободной конкуренции. Установка на сверхцентрализацию жизненных устоев и жесткую регламентацию деятельности создает положительные условия отнюдь не для свободных и стремящихся к самореализации людей. Если такие и обнаруживаются, то они стремятся покинуть закрытое общество. Нужна страсть к изменениям, чтобы перестать изображать из себя государственный биоресурс с его установкой на вечность. Подданнические настроения нужны для поддержания устоев, где иерархия занимает определяющее положение, цементирую социум в недвижимый монумент себе. Именно этот процесс и наложил длань

Каменного Гостя Самовластия на Россию, где, по словам А.С. Ахиезера, «был создан невиданный в истории химерический порядок, сочетающий максимально мыслимую закрытость с попыткой сформировать индустриальное и даже постиндустриальное общество на дорыночной основе, на основе архаики и примитивных форм утилитаризма. Этот раскол привел в конечном итоге к катастрофе, как политической, так и хозяйственной. После этого развитие открытого общества оказывается крайне трудным, требующим массового нравственного напряжения и ответственности» [1, с. 64].

По-сути, оснований для каких-либо изменений здесь нет. Есть нечто смутное, неосознанное, порожденное неудовлетворением от несвершившегося и нереализованного ожидания чуда. При этом сама несостоятельность в достижении лелеемых целей хилиазма не служит основанием для самоанализа себя, выступая в качестве источника неприязни к окружающему миру. Особым выражением этой неприязни служат слова действующего президента России В.В. Путина: «А зачем нам нужен такой мир, если в нем не будет России?». Объявляя себя уникальной цивилизацией, ради которой, на манер иудеев, и создан мир, неустроенная страна готова поглотить иные миры. Естественно, что противоборство между цивилизациями никто не отменял, но вот с аргументами о своем превосходстве здесь явно дело обстоит плохо. Поэтому, отталкиваясь от идеи Самюэля Хантингтона, перед нами культурная шизофрения, порожденная противостоянием с более развитой западной культурой [9, с. 257-258].

Хуже всего в этой ситуации то, что процессы энтропии целенаправленно ведут химеру «особой цивилизации» к своей гибели. Это заметно при посещении депрессивных и отсталых районов страны. Кривое здесь заявляет о своем существовании с вопиющей остротой, показывая несоответствие между заявляемым величием и наличными убожеством и беспросветностью. Население прозябает, едва сводя концы с концами, либо покидает насиженные места. Лишь его инертность спасает положение от массового исхода людей в более благополучные районы. Все рассуждения об

инвестициях оказываются формой заклинания пространства, где внешняя бутафория давно стала антуражем для деклараций и существования особой презентационной культуры. Не способная к актуализации и конкуренции постсоветская номенклатура, поддерживаемая бюрократией и силовыми ведомствами, имитирует элитарность. Только благодаря давлению и политике запретов, гонений и ограничений им удастся сохранять свои монопольные позиции во власти. Политико-социальная система погружена в стагнацию.

Возрастание значения архаизма как идеального состояния общества и власти, своеобразный побег в «светлое» прошлое, указывает на то, что сформированное культурой кривого бытия искажениями сознание не желает меняться. Ему не комфортно, но иного оно не приемлет по определению. Поэтому для тех, кто смог разорвать цепи этой Платоновой пещеры и остается только побег. Возвращение же в саму пещеру бессмысленно. Патриоты их не поймут и возненавидят. Утратившие идентичность превращаются в нечто худшее, чем чужаки, в предателей и безродных космополитов.

По понятным причинам, такой социум неспособен к инновосприятию вне предписанного, имеющего черты устойчивой картины мира. В самом начале мироустройства этой общности были положены странные основания. Двойственность создаваемого мира была сформирована различием между властью предержащими и подданными. Власть здесь совпадает с понятием государства и отечества. Народ же лишен права на самовыражение и «выпускает пар» в спонтанном отрицании порядка. Хтоническое сознание, определяемое инстинктами, выступает в качестве той самой пресловутой «загадки русской души». Разрушение и насилие воспринимается на этом уровне как формы проявления самости. Ведь подавление со стороны господствующих групп, по сути, являются той же законной формой проявления самости. То, что есть внизу подобно тому, что мы видим вверху.

Это внешняя форма легитимации насилия не отменяет существенных различий интересов, как и понимание того, что в рамках одного социо-

культурного пространства одновременно как бы проживает «два народа». Один народ связан с институтами власти и участвует в давлении на другой народ – биоресурс, поданных, призванных обеспечивать существование первых. При этом даже инкорпорация в правящее сообщество не приводит к расширению самостоятельности низшего социума. Система остается крепостной по своей сути. Этот парадокс отметил в свое время маркиз де Кюстин, указавший на повсеместное рабство в России, распространенное от верха и до низа, где «единственные неподдельные чувства, живущие в груди людей при самодержавном правлении, – это страх и подобострастие у низших сословий, гордыня и лицемерное великодушие – у высших» [4, с. 170].

Ориентация на экстенсивный путь развития едва ли дает понимание того, что здесь действует тот же фасадный подход, порождаемый неэффективностью управления. Об интенсивном развитии речи вообще идти не может, так как такое развитие предполагает освобождение разума. Вся система построена на служении одному – телу государя. Поэтому идеи права, собственности, личной свободы и сбалансированности интересов человека и государства здесь не имеют значения, воспринимаются в качестве чужих принципов социального мироустройства. Эти принципы отвергаются и вызывают раздражение, так как связаны с изменениями в сознании. Поэтому с такой легкостью и отгораживаются в России XXI века от демократических ценностей.

Этот мир в себе постоянно возвращается к прежнему состоянию. Поэтому так живы и сегодня рассуждения Н.С. Лескова о вечном «загоне»: «Таким "загоном" представлялось "уединенное государство", в котором все хотели узнавать Россию, и для тех, кто так думал, казалось, что нам нельзя оставаться при нашей замкнутости, а надо вступать в широкое международное общение с миром. Отсталость русских тогда безбоязненно признавали во всем; но всего более были удивлены тем, что мы отстали от западных людей даже в искусстве обрабатывать землю. Мы имели твердую уверенность, что у нас "житница Европы", и вдруг в этом пришлось

усомниться. Люди ясного ума указывали нам, что русское полеводство из рук вон плохо и что если оно не будет улучшено, то это скоро может угрожать России бедствием» [5, с. 357].

Попутно отметим, что книга Иоганна фон Тюнена «Изолированное государство», на которую ссылался Н.С. Лесков, была издана в Советской России в 1926 году. Склонность к самоизоляции или отгораживанию от внешнего мира, автаркия, неизменно проявлялись в судьбе страны с автократической властью. Вот и ныне новоявленные отечественные палеоконсерваторы поют о пользе «автаркии больших пространств» Фридриха Листа, авторитарной имперской «самодостаточности» и «неподвижности» [6].

Что делать, кривые стены государственного устройства дают о себе знать через хвалу архаике и требования возврата к идеалу: «В идеале социальное устройство России должно быть таково. Весь народ делится на "тех, кто защищает государство, и тех, кто кормит тех, кто его защищает" (В. Ключевский). Ну, и еще небольшая прослойка иноков, аскетов, служителей Бога – "государевых богомольцев". Земля, финансы и крупная собственность переходят целиком Державе. Мелкая и средняя, также и любая трудовая собственность – сохраняются. Продажа земли и недр прекращается. Продукция, плоды, продукты переработки – пожалуйста. Бесплатное образование и медицина (притом, что желающие изысков могут заплатить, и это будет предоставлено). "Цветущая сложность" в культуре – при запрете индустрии гламура и растреления. Да, это социализм. Но не марксистский, не ленинский, а исконный царско-народный социализм, "тягловое государство" (В. Ключевский)» [6].

Показательно в этих рассуждениях и то, каким образом надо поступать с инакомыслящими – их необходимо высылать за пределы страны и лишать гражданства. Тем самым, дается понимание того, что свободомыслие противно самому духу возрождаемого Левиафана. Как в круге «вечного возвращения» ничего более достойного здесь уже существовать не может и

не должно. А любые изменения и его апологеты привносят лишь вредный диссонанс в этот «лучший из миров». Поэтому идентичность и должна строго поддерживаться через принуждение к патриотизму и негативное отношение к окружающим народам. Ограниченная репрезентация не позволяет выйти на уровень плюрализма и принятия иного. Бытие превращается в тавтологию, в нагромождение запретов и обещания постсуществования. Статика оказывается единственным результатом всех разговоров об обновлении. Само вечное возвращение, как замечает Ж. Делез, пародируется и превращается в симулякр, когда «мыслитель вечного возвращения, который не дает вытащить себя из пещеры, но скорее найдет по ту сторону другую пещеру» [3, с. 91].

Действительно, воспитанным в кривых стенах лучше там и оставаться, с упорством мазохистов предаваться переживанию несвершившегося бытия, ожидая смерти своих врагов и недоброжелателей или очередного правителя. Хотя, двигаться в этом направлении в силу инертности они едва ли способны. Полагаясь на волю вождей, они покорно примут любое их решение.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия между открытым и закрытым обществом // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 6. С. 59 – 68.
2. Бурдые П. Начала. Choses dites / Пер. с франц. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
4. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: ГИХЛ, 1956 – 1958. Т. IX. 651 с.
6. Лавритов А. Автаркия // Публицист.ру / URL: <https://publizist.ru/blogs/108412/28837/> (Дата обращения: 18.02.19).
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
8. Понятия: «Создатель всех творений» и «изобретатель» в богословии со времен Тертуллиана // <https://vikent.ru/enc/5160/> (Дата обращения: 02.02.19).
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2017. 640 с.

Мифогенное сознание и тупики профанного существования

Аннотация: Рассмотрение проблемы мифологизированного сознания россиян, как считает автор статьи, призвано не только актуализировать проблему, но и обнаружить пути по ее решению. Зависшее в архетипическом мировосприятии массовое сознание не позволяет изменить формы отсталого политического и социального устройства. Возможности по перепрошивке массовых представлений ограничены и требуют длительных временных затрат. Естественно, что такие изменения могут происходить только на уровне пралогического мышления, которое напрямую связано с профанным существованием. Обнаружение таких оснований или ключей позволяет найти выход из колеи прежнего существования.

Ключевые слова: Мифология, производство мифов, массовое сознание, профанное существование, тупики бытия.

Amir St-n,
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

Domestication of ideas and policies without brakes

Annotation: Consideration of the problem of mythologized consciousness of Russians, according to the author, is designed not only to update the problem, but also to find ways to solve it. The mass consciousness that hangs in the archetypal worldview does not allow changing the forms of the backward political and social structure. The ability to reflash mass views is limited and time-consuming. Naturally, such changes can occur only at the level of pelagicheskoi of thinking, which is directly related to profane existence. The discovery of such bases or keys makes it possible to find a way out of the rut of former existence.

Keywords: Mythology, production of myths of mass consciousness, profane existence, the dead ends of life.

Размышления как бы политического советника 99 levels

Когда в России рассуждают об особенностях своего исторического пути, то, полагаем, в этом есть большая доля правды. Ведь речь идет о том, что

российское сознание складывалось в условиях мощнейшего давления со стороны государственных институтов и мифологии о лучшем и правильном мире, где всем будет дарованы справедливость и блага. Правда в начале ХХI века запасы верований подошли к концу. Творческая политическая мысль повернулась в прошлое, стремясь либо его реанимировать, либо создать из него некую синкретическую модель.

Будущее из этих моделей изъято, и даже те, кто собирается вернуться в Советский Союз, не стремятся заниматься делом строительства коммунизма. У них нет видения той грядущей безгосударственности, о которой писали классики марксизма-ленинизма. Ведь именно наступлением светлого будущего, где будет осуществлен принцип, «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям», кормили советских граждан. В эпоху застоя об этом уже говорили в духе некой общеобязательной мантры, полагая, что рано или поздно, но идеи коммунизма станут всеобщими. Отсутствие обещанного изобилия и засилье партийных жрецов и советской номенклатуры не способствовали поддержанию позитивных настроений в обществе. Реализация мифа постоянно откладывалась, а новых собственных идей не возникало. Идеи развитого социализма и небывалая прежде гласность в эпоху Перестройки были восприняты как наступление времени политической импотенции.

Пришлось обратить свой взор на прежних оппонентов или идейных врагов. Тем более что ближайшее идейное пространство и желаемый уровень изобилия не требовали интеллектуальных затрат. Нужно было только объявить, что страна должна стать демократической и запустить механизмы либерализации экономики. Вот только прежнего ощущения «вот-вот будет счастье» от обещанного воплощения нового рая по понятным причинам не появилось. Складывалось ощущение не просто ослабления тотального давления со стороны государства, а того, что пришедшие к власти люди решили устроить изобилие только для себя. Население оказалось брошенным на произвол бытия в условиях высокой степени неопределенности.

Здесь мы должны указать на прямую зависимость коллективного сознания от указанных выше факторов, от тотального контроля со стороны государства и от ожидания грядущего светлого бытия. Отсутствие этих факторов воспринимается на коллективном уровне как кризис политической системы и измена со стороны власти предрержащих культурному коду. Ведь то, что внизу должно быть подобным тому, что вверху. Эта метафизическая формула, как считается, принадлежащая Гермесу Трисмегисту, описывает необходимое единство или целостность. Во всяком случае, для данного прочтения ситуации в России эта формула нас устраивает.

Мифогенное сознание едва ли можно считать практичным сознанием. Оно предполагает ожидание более значимого и заслуживающего внимания, нежели основательного обустройства бытия в настоящем. Ведь завтра все должно измениться к лучшему. И то, что мы наблюдаем сегодня, по сути ничего не меняет в контексте определения традиционной ментальности, хотя и выглядит особо контрастно. По замечанию И. Яковенко: «Россия периода позднего путинизма – это страна, постоянно накрываемая волнами мифологического сознания» [6].

Хотя, заметим, речь идет как раз об неизживаемости мифологии как формы общественного сознания, когда мифология занимает центральное и обязательное место в жизни социума. Ведь та же установка на традиционализм напрямую связана с мифологизацией своей исключительности, которую периодически попирают неправильные и ущербные народы. Поэтому так естественно, что люди здесь продолжают воспринимать те же антизападные настроения, фабрикуемые по известным лекалам. Про врага в отражении они не допускают мысль даже на мгновение. Ведь жить мифами крайне удобно, так как они близки к бессознательному познанию, более органичны и не требуют интеллектуальных изысканий. У Карла Юнга за этими процессами стоит коллективное бессознательное, разорвать принадлежность к которому можно только разрушив общеобязательную идентичность.

Идя по этому пути, индивидум теряет себя: «Идентификация является шагом назад, еще одной глупостью, на вершине которой отвергается принцип индивидуализации. При этом последний вытесняется и укрывается завесой индивидуальных деяний, хотя только в этом туманном тщеславии индивид и может обнаружить то, что принадлежит непосредственно ему. Но в действительности индивид обнаруживает там не свое собственное начало, а скорее вечные истины и заблуждения коллективного психического [5, с. 318].

Устремленность к мифологическому мировосприятию сопровождается игнорированием рациональных представлений, которые требуют работы индивидуального ума. Не рефлексирующие люди, легко впадают в объявляемое известным и общепринятым в социуме, к которому они принадлежат по факту своего рождения или длительного пребывания. Эти коллективные тела постоянно создают условия для формирования и поддержания мифологического. Коллективные представления выступают в качестве базовой прошивки сознания. Здесь нет установки на поиск причин тех или иных явлений. Этот путь консервирования на уровне пралогического мышления оказывается весьма эффективным именно для коллективных форм сосуществования, где, как пишет Л. Леви-Брюль, в его первобытной форме отсутствует стремление к достижению знания в собственном смысле и «неведомы наслаждение и полезность знания. Его коллективные представления всегда носят в основном эмоциональный характер. Его мысль и язык остаются мало концептуальными» [2, с. 44].

Заметим, что чем плотнее групповые связи, тем в большей мере проявляют себя нарративные установки, ослабляя потребность в рефлексии и собственном дискурсе. На эту консервацию сознания ориентируется и требование идентичности. Социум выступает в роли Матрицы, принуждающей к коллективному сну и отдаче жизненной энергии. Структурируемый как авторитарная система социум обеспечивает существование избранным и их потомкам, разумеется, в пределах стабильности, которая рано или поздно исчезает. Но для кардинальных

изменений, отхода от формы, в которую облечен социум, нужно как раз именно проснуться и понять, что банальная смена одной правящей группы на другую не избавляет от цепей «Платоновой пещеры». Прежние нарративы не отпускают, коверкая и искажая смыслы подлинного бытия, где каждому дано жить.

Фильм «Матрица» уже успел стать культовым и принимается в той или иной мере в качестве объяснения деструктивных форм организации жизнедеятельности человека. Но как говорит Морфеус: «Большинство людей не готовы к тому, чтобы их отключили». Более того, они будут стремиться к тому, чтобы их подключили обратно, но с поправкой на обещания неких благ. Это Сайферы и имя им легион. Им нет дела до того, что они существуют как части целого, где их индивидуальность отрицается формализованной общностью. Стихийные проявления самости не меняют сути. Они в своей массе выражают эмоции, но не результаты направленного мышления. Ведь те же футбольные фанаты не стремятся к осознанию того, что их спонтанное выражение радости или огорчения не имеют ничего общего с пониманием того, что результат матча не связан с их способностью к заколдовыванию пространства. Важнее здесь оказывается то, что система допускает подобные отклонения от норм и не стремится к их окончательному искоренению. Ведь нужно как-то оправдывать существование охранных структур.

Всегда найдутся и те, кто будет защищать «Матрицу». Отечественные палеоконсерваторы разных мастей сегодня в голос утверждают ценность национального политического устройства и клянут, в первую очередь, либеральных врагов. Им явно импонирует собственная мифология о сильном правителе и его покорных подданных, служащих целям великой страны. Вся эта мифология структурируется вокруг совпадающих образов Царя и Левиафана. Воистину, вслед за Иовом, можно сказать: «На все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» (Иов, 41:26). Порожденное самодержавием социально-политическое устройство продолжает обеспечивать крепостные устои, пресловутые вековые традиции

или социокультурный код. Гордость самовластия не имеет здесь ограничений в самости, но неизменно наталкивается на препятствия внешнего характера, с которыми и воюет.

Вместе с тем, едва ли они будут вести речь о том, что с возрождением прежних устоев народ станет умнее и духовно возвышеннее. Ведь для поддержания институтов самовластия нужны только исполнительные холопы. Из наиболее талантливых можно сделать и некое подобие свободных людей, но главное, чтобы они помнили о том, что блага им даны за службу, а не являются результатами их самостоятельной деятельности. Их бытие подчинено едиными для всех условиями и не меняет сути системы. Дух этой системы обесценивает человеческое существование, обрекая на прозябание в роли биоресурса. Нарративные практики, используемые для доместикации населения, являются своеобразными мифологическими покрывалами, которыми накрывается общественное сознание. Тем самым люди теряют возможность к самостоятельному мировосприятию и, соответственно, пользуются готовыми лекалами для ситуативного поведения.

Фактически, борьба разворачивается только вокруг доступа к лекалам с большими возможностями. Для остальных ситуация консервируется на минимальном уровне ввиду отсутствия доступа к власти и богатству. Именно по отношению к ним и используются основные механизмы воздействия – забота и терпимость. У Мишеля Фуко государство отныне существует только для себя самого и, соответственно, обязано оберегать существующий порядок и регламентировать поведение подданных в своих собственных интересах. От имени государства эту функцию выполняет тот, кого принимают в качестве государя или суверена. Естественно, что там, где нет сдерживающих факторов и условий признания границ власти, такое правление становится абсолютным. Различие же касается отношения суверена к тем, кто относится к управляющим, и тем, кто является управляемыми. Там где действует правовой принцип, суверен обязан считаться с этим внешним ограничением [4, с. 27].

Среди систем ограничения как раз и оказывается проклинаемый государственниками либерализм, способствующий введению в системы управления эффективности. Ведь, как указывает М. Фуко, в насилии, излишестве и злоупотреблении виновата не злокозненность правителя, а его невежественность, приводящая к попранию законов природы [4, с. 32]. Мы, в свою очередь, видим в явлении тирании проявление триады: самовластия, самозванства и самодурства. Реализованная в России триада как раз связана с отказом от уважения трав личности и нежеланием умерить свою власть. Впрочем, справедливости ради укажем на одно замечание французского мыслителя, связанное с пониманием того, как внутренние ограничения, вводимые либерализмом, способствовали выходу системы власти вовне, формируя вмешательство в дела других политических образований [4, с. 38]. Естественно, что эта ремарка относится к качеству подобных выходов вовне и не способствует объяснению причин для экспансии авторитарных правителей. То есть речь идет об общих тенденциях, сохранении определенных форм мировосприятия и ограниченной рефлексии.

Сильная власть не предполагает умеренное правление. Но и сформированное таким пониманием власти сознание масс не сможет воспринять либеральных установок. Массы готовы к прозябанию в лучах метафизического солнца отца-государства, одаривающего и наказывающего своих подданных-детей. Привычка к послушанию по факту принуждения отключает понимание целесообразности. Пребывающие на уровне мифогенного сознания ограниченно мыслят в пределах известных образов героя-спасителя, мирового заговора, утраченного золотого века, грядущего счастья и великого единства народа. Соответственно и выбор корректирующих действий также ограничен этими образами. Ведь механизмы воспроизводства и принятия идей остаются теми же, что и в древнейшее время, которое Л. Леви-Брюль считает уже утраченным.

Коллективные представления не могут быть опережающего характера, так как служат не развитию знания, а передаче социо-культурного багажа.

Поэтому здесь доминирует эмоционально-моторный способ принуждения к общности, а не установка на возрастание интеллектуальных способностей, способствующих индивидуализации и формирующей связи на качественно ином уровне. Освобождение сознания потребует переформатирования оснований, на которые оно опирается. Иначе люди до бесконечности будут цепляться за скрепы обыденности. Ведь фиксируются они именно на профаном уровне, где даже сакральное существует в рамках обыденного, подчиняясь целям земного политического устройства.

Образцом такой зависимости могут служить слова Патриарха Кирилла по поводу 400-летия Дома Романовых: «Вне зависимости от отношения людей к монархии, к возможности ее восстановления в нынешнее время, сам факт 400-летия дает нам возможность проанализировать историю; с благодарностью вспомнить труды тех, кто возглавлял Русское государство, великие достижения в освоении земель, в создании огромной государственной инфраструктуры, включая транспортную инфраструктуру, в развитии науки, искусства, промышленности. Ведь достаточно сказать, что накануне Первой мировой войны Россия была почти на втором месте по уровню ВВП в мире, и если бы не военные события, то, несомненно, достигла бы этого второго места. Все это свидетельствует о том, что государи внесли действительно огромный вклад в развитие нашей страны, и празднование естественно» [1].

Перед нами не просто дань собственной истории, а проявление некоего требования возврата к прежним устоям, эссенциальной определенности. Но эссенциальное находится в противоречии с экзистенциальным, как и пониманию того, что все имеет свой конец. Поэтому довольно странно выглядит это стремление цепляться за профанное, которое должно было в конечном итоге исчезнуть. Хотя, и это мы понимаем, именно привязанность к профанному, заставляет держаться за прежние образы мировосприятия и организации жизнедеятельности. Ибо, как пишет Пауль Тиллих, конечность

приводит к утрате не только собственной онтологической структуры, но и собственной самости [3, с. 216].

Мифология прикрывает разрушаемые временем стены устоев, но не снимает проблемы несоответствий между сотворенным и существующим. Жизнь в такой Платоновой пещере не статична, как и не реализуемо желание сохранить социум в рамках пралогической невинности. Возникающие несоответствия заставляют искать иного. На первых порах этим иным может стать новая пещера, в которой можно попробовать установить прежние порядки. Основанием для этого будет продолжать служить культивируемая привычка жизни в закрытом пространстве.

Вместе с тем, из-за возрастания энтропии тавтология все больше будет деформироваться, порождая множественных симулякров. Будет возрастать и количество людей, желающих жить на открытом пространстве, что при достижении критической массы должно привести к окончательному запустению пещеры. А мифы открытых пространств, как говорится, уже другие.

Список литературы

1. Ветошкин А. Духовные скрепы и исторические традиции народного единства // Русская народная линия / URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/06/05/duhovnye_skrepy_i_istoricheskie_tradicii_narodnogo_edinstva/ (Дата обращения: 10.02.19).
2. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / Пер. с фр. СПб.: Европейский дом, 2002. 400 с.
3. Тиллих П. Систематическое богословие. Том I, II / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1998. 493+XV с.
4. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
5. Юнг К.Г. Психология бессознательного / Пер. с англ. М.: Когнитив-Центр, 2010. 352 с.
6. Яковенко И. Россия в капсуле мифов // Блог Игоря Яковенко / URL: https://yakovenkoigor.blogspot.com/2017/11/blog-post_41.html (Дата обращения: 20.01.19).

II. ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 330

Е.Г. Черняк
Забайкальский государственный университет,
старший преподаватель
кафедры менеджмента
E-mail: chern_econ@gmail.com

Трансформация регионального хозяйства в условиях приграничья

Аннотация: В статье рассматриваются основные составляющие структуризации экономики региона и условия формирования её потенциала в приграничном пространстве. Актуализируется институциональная специфика разработки моделей стратегического планирования и согласования развития в условиях динамичной среды.

Ключевые слова: «Приграничье»; «Трансформация экономики региона»; «Факторы территориальной организации».

E.G. Chernyuk
Transbaikal state university
senior lecturer of chair of management
E-mail: chern_econ@gmail.com

The transformation of the regional economy in the conditions of frontier

Summary: The article discusses the main components of the structuring of the regional economy and the conditions for the formation of its potential in the border area. The institutional specificity of developing models for strategic planning and coordinating development in a dynamic environment is being updated.

Keywords: "Frontier"; "Transformation of the regional economy"; "Factors territorial organization".

Реализация стратегических установок территориальной организации в условиях приграничья определяет необходимость выявления специфических

особенностей трансформации региональной экономики, вызванные влиянием близкой границы.

В эпоху глобализации и экономической демократизации, возрастает влияние на приграничное региональное хозяйство межгосударственных связей, а особенно такой их формы как приграничное сотрудничество. Для этого сложились две основополагающие предпосылки. Одна из них – отмена государственной монополии на внешнюю торговлю, означавшую либерализацию внешнеэкономической деятельности территориальных субъектов. В результате приграничные регионы активнее взаимодействуют с иностранными партнерами, осуществляют внешние заимствования, привлекают иностранную рабочую силу. Другая предпосылка – это процессы регионализации, когда определяется возможность экономической самостоятельности на основе использования их преимущественных особенностей [1]. В связи с этим, характеризуется определенная степень открытости приграничных региональных хозяйств, которая с одной стороны обеспечивает перемещение капитала, технологий и рабочей силы, с другой – влияет на их экономическую безопасность.

В этом аспекте констатируется тот факт, что дезинтеграция современного российского экономического пространства во многом определяется соотношением внешней и внутренней открытости региональной экономики, которое позиционирует её конкурентоспособность. Можно представить сводную схему основных процессов, характеризующих открытость региона в межгосударственном и межрегиональном сотрудничестве (рис. 1).

Для условий экономического развития современной России, имеющей обширные территории, протяженные границы, нарастание дезинтегрирующего фактора внутренних межрегиональных связей, существенно воздействует на структурную составляющую импортируемой и экспортируемой продукции: характер начальных производственных стадий продукции российского экспорта и высокой степени переработки импортной

продукции мало затрагивает внутренние межотраслевые производственные и межрегиональные связи. Среди основных их причин определяются: территориальная удалённость большинства приграничных регионов от основных экономических центров; относительно низкая степень развития транспортных коммуникаций и связи; высокие транспортные тарифы; неблагоприятная экологическая ситуация; относительно низкий уровень перерабатывающей промышленности; низкая плотность населения; низкий уровень потребления [6].

Специализация приграничных регионов в международных отношениях и, прежде всего, в приграничном сотрудничестве, определяется геополитическим аспектом. Классификация региональных экономических систем по их участию во внешних межгосударственных связях имеет различные подходы. Поскольку одной из главных особенностей такого экономического взаимодействия является наличие экспортно-импортной деятельности, можно определить несколько групп факторов специализации региона по степени его вовлечённости в этот процесс:

- низкий уровень экспортного потенциала, относительно слабый уровень развития производственной, и как следствие социальной инфраструктуры: некоторые северокавказские, восточносибирские и дальневосточные регионы;

- невысокий уровень участия в международном сотрудничестве, в связи с ориентацией на отрасли перерабатывающей промышленности – пищевую, легкую, машиностроительную, отрасли военно-промышленного комплекса (регионы Поволжья и западной Сибири, граничащие со странами СНГ);

- высокая степень концентрации крупных международных коммуникаций, значительный экспортный потенциал (Приморский, Хабаровский, Забайкальский край, Сахалинская, Новосибирская, Калининградская области, Краснодарский край);

Рисунок 1. Компоненты внешней и внутренней открытости региона, характеризующие его позиционирование в экономическом пространстве.

- ориентация только лишь на одно или два направления экспортируемой продукции (Хакасия, Карелия, Коми, Липецкая, Мурманская, Белгородская, Вологодская области);

- устоявшаяся промышленная инфраструктуры, мощный экономический потенциал и экспортные ресурсы: металлы, химическая продукция, лесная и бумажная продукция, станки, машины, оборудование, энергоресурсы (Оренбургская область);

- способность сосредотачивать импортные потоки и регулировать экспорт в целом по всей стране (Ленинградская область).

К числу главных особенностей, характеризующих преимущества в международном сотрудничестве определены: развитая банковская, коммуникационная, складская инфраструктуры, сосредоточение более подготовленных и высококвалифицированных кадров и необходимой информации, концентрация огромных финансовых средств. Таким образом, обеспечивается возможность масштабных оптовых закупок за рубежом. Хозяйствующие субъекты способны лоббировать свои интересы в исполнительных и законодательных органах власти страны, что также является аккумулярующим фактором возможностей влиять на процессы экономического развития региона [2].

Следующий фактор – это воздействие приграничного сотрудничества на структуру хозяйства региона. Ориентация производственной структуры на внешнеэкономическую деятельность определяется влиянием вышеперечисленных условий глобализации и дезинтеграции внутри страны. Можно выделить несколько существенных моментов, характеризующих специфику приграничного производства:

- относительно низкий уровень диверсификации производственной сферы большинства приграничных регионов – следствие экономической политики, проводимой в советское время, когда в целях безопасности воздерживались от интенсивной их индустриализации, а создание производственных мощностей характеризовалось необходимостью добычи необходимых экономике страны природных ресурсов;

- наличие в большей степени добывающих производств, и низкая степень развития обрабатывающих отраслей, спад производства в станкостроительной и машиностроительной отраслях, сельского хозяйства;

- относительно низкая степень развития транспортной инфраструктуры и связи, энергосистем, приграничной логистической системы;

- наличие на территории транзитных грузовых и пассажирских потоков;

- небольшая численность населения, обуславливающая незначительный объем потребительского рынка, что определяет инвестиционную непривлекательность в отрасли промышленности с высокой степенью оборачиваемости основных производственных и оборотных фондов: пищевая, текстильная и т.д. В связи с этим, актуализируется проблема наличия сравнительных торговых преимуществ на стороне соседних государств – комплиментарность их экономики [3].

Немаловажная особенность экономики приграничья, напрямую влияющая на систему занятости и процессы формирования их рынка труда – интенсивность миграционных перемещений населения и рабочей силы. Как правило, ее функциональная составляющая характеризуется использованием во многих сферах хозяйствования дешёвой иностранной рабочей силы из бывших союзных республик и стран Юго-Восточной Азии. Последствия имеют двойственность. С одной стороны – экономическая выгода от использования дешевого иностранного труда, с другой – негативный социальный эффект, который может выразиться в увеличении количества безработных граждан из числа местного населения, вынужденного искать работу. Как следствие возникновение вынужденной внутренней миграции, обуславливающей асимметрию региональных процессов социальной организации в виде продолжающейся урбанизации и дестабилизации демографической обстановки. Это неизбежно сказывается на экономическом состоянии более мелких административно-территориальных единиц в составе приграничных регионов.

Граница активизирует в целом весь процесс приграничной торговли и в частности такие ее разновидности как организованную и челночную торговлю. Организованная торговля характеризуется, прежде всего, созданием и деятельностью приграничных торгово-логистических комплексов, позволяющих вести учет торговых операций со стороны управляющих структур – органов власти, таможи. В большинстве приграничных регионах наблюдается асимметрия в сторону челночной торговли, так как недоработано законодательство в сфере создания торговых приграничных организаций. Определенная степень эффективности челночной торговли приграничных регионов связана с расширением рынков сбыта для одной стороны и получением более дешевых товаров и услуг с другой стороны и целесообразна была на первоначальных этапах рыночных реформ в стране. Акцентируя внимание на проблемах неорганизованной челночной торговли в этом аспекте, можно отметить, что такой вид хозяйственной деятельности большинства населения многих приграничных территорий распyleт средства, получаемые ее множеством неконтролируемых участников. В конечном итоге, это не позволяет аккумулировать денежные средства. С другой стороны, челночный бизнес стал источником формирования первоначального капитала наиболее успешных предпринимателей, которые впоследствии переориентировались на производственные виды хозяйственной деятельности.

Близость границы определяет возможность активизации регионального туризма. Основным условием является становление и функционирование рыночных отношений в организации межгосударственных и региональных связей. Существенна характеристика приграничного туризма – нарушение баланса между выездными и въездными его видами. В таких условиях, когда из страны вывозится валюта, уровень развития материально-технической базы въездного туризма многих приграничных территорий остается крайне низким. Как следствие огромные потери региональных бюджетов от возможного поступления иностранной валюты от въездных туров

иностранных граждан благосостояние которых в некоторых соседствующих странах растет гораздо быстрыми темпами [2].

Приоритетность в приграничной территориальной организации – это наличие специфической логистической инфраструктуры и уровень ее развития: ориентация части транспортной сети в сторону границы соседних стран; наличие пограничных и таможенных служб; транзитных грузовых и пассажирских потоков. В условиях приграничья возрастает роль всей региональной инфраструктуры, поскольку определена прямая зависимость от нее как внешнеэкономической деятельности, так и расширения межрегиональных связей внутри страны. Здесь отмечается такая существенная составляющая экономических отношений как международные, межрегиональные грузовые и пассажирские перевозки, от которых зависит скорость перемещения товаров между хозяйствующими субъектами.

Немаловажна специфика организационно-правовых отношений. В обобщённом виде, их можно охарактеризовать следующими основными направлениями. Прежде всего, это взаимодействие акторов различного уровня: взаимное экономическое сотрудничество сопредельных стран на уровне их правительств; сотрудничество региональных административных органов с правительствами, национальными институтами соседних государств; взаимная внешнеэкономическая деятельность хозяйствующих субъектов приграничных территорий. Например, подписание соглашений между правительствами граничащих стран о принципах сотрудничества между администрациями сопредельных территорий, создание совместных координационных советов по приграничному и межрегиональному сотрудничеству, подписание на этих основах контрактов между хозяйствующими субъектами этих территорий [6].

Анализируя институциональную сущность территориальной организации экономики приграничья в предшествующие периоды, можно обозначить такие моменты, как ориентация межбюджетных отношений в сторону федерального центра и рассогласование федеральных

межрегиональных программ с региональными программами социально-экономического развития. Именно в этом аспекте формирования территориальных стратегий, ориентировалась внешняя хозяйственная деятельность регионов страны. Расхождения в подходах к решению региональных проблем не позволяли эффективно реализовывать намеченные мероприятия. Проработка перспектив территориального развития велась в ожидании формирования стратегий макрорегионов – федеральных округов. Вопрос стоял либо о централизации налогов и лоббировании интересов регионов в выделении дотаций из госбюджета, либо о создании механизмов самофинансирования территориальных хозяйств, возможностей проведения самостоятельной экономической политики, договорных отношений с субъектами федерации, поиске собственных источников [4].

В рамках реализаций национальных проектов в свете майских указов 2018 года характеризуется создание и деятельность институциональных организационных образований, по замыслу, способных вывести процессы согласования в новое русло. Создан Совет при президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (консультативный орган заменил упраздненные советы при главе государства по модернизации экономики и инновационному развитию России, по развитию финансового рынка РФ, Экономический совет, а также Комиссию по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития России). В задачи нового Совета определили подготовку предложений по актуализации целевых показателей национальных проектов и программ, координацию работы органов государственной власти в этой сфере, анализ и оценку процесса реализации нацпроектов. Решение текущих вопросов возложено на его президиум – Федеральный проектный офис, который возглавил премьер-министр. Рассмотрены и утверждены паспорта большей части национальных проектов. Документы содержат их целевые показатели, задачи до 2024 года, объем выделяемых для этого средств. Было утверждено положение об организации проектной деятельности в правительстве РФ.

Согласно документу, паспорта нацпроектов, а также изменения в них, одобряет президиум Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. Он же должен утверждать состав проектных комитетов (непосредственно контролируют реализацию нацпроектов), кураторов и руководителей нацпроектов. Функции правительственного проектного офиса закреплены за Департаментом проектной деятельности Аппарата правительства РФ (осуществляет мониторинг реализации национальных проектов в целом).

В министерствах, определяемых исполнителями нацпроектов, должны формироваться ведомственные проектные офисы. Определена их задача – мониторинг реализации федеральных проектов, входящих в состав нацпроектов. В органах исполнительной власти субъектов РФ – региональные проектные офисы, призванные обеспечивать общую координацию реализации региональных проектов, которые являются частью нацпроектов, в конкретном субъекте РФ. Информационная система управления государственными финансами «Электронный бюджет» была дополнена подсистемой управления национальными проектами. Кураторами реализации нацпроектов назначены вице-премьеры правительства.

Непосредственные руководители, которые должны нести персональную ответственность за выполнение показателей – профильные министры правительства. Промежуточные итоги исполнения нацпроектов предполагается подводить дважды в год. Оперативный мониторинг предполагается вести в режиме онлайн. Для этого в федеральный план статистических работ правительство предлагает 91 показатель национальных проектов. К началу 2109 года было заявлено о завершении работы над формированием 12 нацпроектов и комплексного плана по развитию магистральной инфраструктуры. Всего на исполнение нацпроектов планируется потратить 25,7 трлн. руб. Из них 13,2 трлн. руб. – из федерального бюджета, 4,9 трлн. руб. – из бюджетов субъектов Федерации,

7,5 трлн. руб. – из внебюджетных источников и еще 0,1 трлн. руб. – из государственных внебюджетных фондов [2, 8].

Для активизации развития приграничных региональных хозяйств огромное значение может иметь комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (запланированы наибольшие вложения – 6,3 трлн. руб. без учета энергетической части проекта). Наименее затратным считается нацпроект «Производительность труда и поддержка занятости» (52,1 млрд. руб.) [2, 8, 10].

Планируется, что существенная часть мероприятий в рамках реализации национальных проектов будет осуществляться на региональном уровне, в том числе за счет средств межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. Заключенные в текущем году соглашения о реализации региональных проектов «детализировали» для субъектов РФ целевые показатели и результаты федеральных проектов, закрепили персональную ответственность руководителей региональных проектов за их достижение. При этом на сегодняшний день не все национальные цели являются статистически наблюдаемыми. Отсутствуют методики отслеживания их динамики.

Еще одна проблема – отдельные значения показателей, определенных на федеральном уровне, не всегда учитывают инфраструктурную и социально-экономическую специфику регионов. Эти вопросы требуют дополнительной проработки. Требуется дополнительная корректировка программных документов субъектов РФ в целях их интеграции с федеральными проектами. Понадобится также уточнение уже применяемых механизмов и в ряде случаев разработка новых решений для формирования отчетности и комплексного мониторинга ключевых показателей федеральных и региональных проектов.

Однако, отмеченная выше организационная фасадность «четкости» иерархии полномочий и ответственности в планах нацпроектов не мешает напомнить об очевидных проблемах практики реализации предшествующих

«стратегий». Можно констатировать отсутствие закреплённого практикой действенного механизма реализации программ и мониторинга в части формирования источников финансирования четко определенных количественно и жестко контролируемых денежных потоков. Кроме того, можно отметить отсутствие адекватного механизма последовательного сглаживания структурных искажений в системе «отраслевые структуры – институциональная сфера – государство (федеральные и региональные органы власти).

Это обстоятельство характеризовалось низким уровнем согласования основных положений стратегических проектов развития федерального округа, в котором находится регион, а также практики реализации общих стратегий социально-экономического развития страны. Помимо этого, не отработаны конкретные механизмы достижения стратегических результатов (согласованные схемы и инструменты) на федеральном (федеральный округ, федеральный центр) и региональном (органы власти региона, его муниципальных образований) уровнях [1].

Как следствие, очередная попытка «оптимизации» организационно-структурного сглаживания – включение Республики Бурятия и Забайкальского края в Дальневосточный федеральный округ в рамках финансирования проектов их социально-экономического развития в формате национальной программы освоения и развития Дальнего Востока.

Актуализируя проблему неэффективной практики реализации программно-целевого инструментария внимание акцентируется на недостатках существующего института полномочных представителей Президента РФ. Это звено государственной власти, до сих пор не смогло выстроить и запустить эффективные механизмы налаживания и развития связей как по горизонтали (между субъектами Российской Федерации и приграничными территориями соседних стран), так и по вертикали (федеральный центр – субъекты – местное самоуправление). С этой точки зрения, подчеркивается отсутствие четкой платформы совместной работы

регионов по решению общих задач межтерриториального сотрудничества, способного оптимизировать систему финансового обеспечения (целевые отчисления из бюджетов субъектов; средства софинансирования федерального центра и субъектов; средства из внебюджетных источников – частных инвесторов, зарубежных и отечественных) [10].

Важным элементом процессов согласования межтерриториального сотрудничества выступает система нормативного правового регулирования. Результаты оценки ее эффективности с учетом различных мнений могут быть охарактеризованы с точки зрения решения стратегических задач позиционирования региона приграничья в экономическом пространстве, и отличаются слабой проработанностью по следующим направлениям:

- улучшение делового и инвестиционного климата в регионе;
- оптимальное участие региона в реализации государственных программ социально-экономического развития Российской Федерации;
- формирование сбалансированной схемы экономического взаимодействия между регионами внутри страны, а также регионами других стран (создание оптимальной системы межрегионального и межгосударственного сотрудничества);
- повышение конкурентоспособности приграничного региона на внешних и внутренних рынках.

Выявленные особенности регионального хозяйства в условиях приграничья, позволяют дать общую характеристику его территориальной организации, включающую аспекты инициации роста региональной экономики, и отражающую современные тенденции условий процессов глобализации. С этой точки зрения, развитие приграничного региона можно рассматривать как трансформацию системы взаимосвязей на внешних и внутренних рынках под воздействием приграничного сотрудничества, позволяющего обеспечить кластеризацию совместного сотрудничества в приоритетных сферах, обуславливающих рост ВРП.

Список литературы

1. Алексеев П.В. Проблемы и перспективы привлечения инвестиций в регионы Дальнего Востока России // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8. С. 234 – 238.
2. Баландина Е.И. Основные проблемы реализации национальных проектов // Международный научный вестник. Саранск: МордГУ им. Н.П. Огарева, 2018. С. 45 – 52.
3. Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество в России: факторы и особенности развития // Россия в глобализирующемся мире. Стратегия конкурентоспособности. М.: Наука, 2005. С. 486 – 504.
4. Грибова С.Н. Приграничное сотрудничество: теоретические истоки изучения // Известия Иркутской государственной экономической академии. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 1 (66). С. 72 – 78.
5. Гранберг А.Г. Проблемы и принципы стратегии территориального развития // Проблемы стратегии территориального развития России. М.: СОПС, 2012. № 9. С.15 – 36.
6. Капустина Е.Н. Международные отношения региона. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. 326 с.
7. Кузнецова О.А. Теоретические основы государственного регулирования экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 46 – 66.
8. Макаров А. Создан гибкий механизм для оперативного реагирования на проблемы при реализации нацпроектов. – Выступление председателя Комитета по бюджету и налогам в рамках российского инвестиционного форума на сессии по вопросам реализации нацпроектов на региональном уровне. М.: Инвестфорум. 14.02.2019.
9. Национальные проекты в рамках майского указа 2018 года. Главное Информационные материалы паспортов нацпроектов, утвержденных в рамках Указа Президента РФ. Правительство РФ. 11.02.2019.
10. Сержкина К.И. Приграничные связи субъектов Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 55 – 59.

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.581

Л.И. Коновалова
Ленинградский областной институт развития образования,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры филологического образования
E-mail: konovalovali@mail.ru

Сравнительно-сопоставительный анализ «Слова о полку Игореве» и «Песни о боевых колесницах» Ду Фу

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы диалога восточной и западной культур, взаимосвязи проблем и исторических реалий, отраженных в текстах раннего средневековья. Исследование проведено на материале китайской и русской литературы.

Ключевые слова: Диалог литератур, китайская литература, национальное своеобразие, русская литература, типологические сходства.

L.I. Konovalova
Leningrad regional Institute of education development,
Doctor of pedagogy, Professor, Department of philological education
E-mail: konovalovali@mail.ru

Comparative analysis of "The Lay of Igor's Host" and "A song of war chariots" by Du Fu

Annotation: The article examines the issues of the dialogue of cultures, of the interrelationship between problems and historical realia reflected in the texts of the early Middle Ages, between the cultures of Oriental Chinese literature and the Russian literary monument "The Lay of Igor's Host"

Key words: The dialogue of cultures, typological convergence and national peculiarity, Russian and Chinese literature.

Изучение «Слова о полку Игореве» открывает историко-литературный курс в старших классах. Однако в школе этот замечательный памятник древнерусской культуры не пользуется особым вниманием. Д.С. Лихачев

отмечал просчеты школьного преподавания «Слова...»: «Самые большие трудности возникают, когда не видят жанровую специфику гениального произведения. Его изучают с точки зрения повествовательной, событийной – и тогда многое в нем становится непонятным. Между тем «Слово о полку Игореве» не рассказ о событиях, а гениальная лирическая поэма. Здесь соединены и плач, и радость, здесь целый спектр все время меняющихся авторских отношений. Стоит уловить это и становится объяснимым, и почему повод для рассказа избран такой незначительный, и вообще, почему мы берем именно «Слово» как образец литературы, а не отрывок из летописи» [3, с. 33].

Рассмотрим один из возможных вариантов изучения «Слова о полку Игореве» – сравнительно-сопоставительный анализ «Слова о полку Игореве» и «Песнь о боевых колесницах» Ду Фу, опираясь на особенности жанровой структуры текстов.

Обращение к древним пластам литературы в школе требует актуализации художественного материала в сознании учеников. Этому способствует современное прочтение произведений, вычленение в тексте жизненно важных для нынешнего поколения духовных и эстетических проблем с тем, чтобы ученики смогли реально услышать «эхо» далеких эпох, увидеть «немеркнущий свет» искусства прошлого.

При восприятии художественных произведений отдаленной эпохи существует разрыв между «активным культурным фондом» читателя и автора произведения. Чтобы устранить этот разрыв, приблизиться к пониманию древней культуры, литературы древнерусского государства и Китая в эпоху средневековья, особенно важен и необходим диалог литератур и диалог культур. Диалог культур – это, прежде всего, понимание уникальности и неповторимости каждого народа.

Главным принципом диалога культур является сравнение, предполагающее отбор, установление и совершенствование произведений культуры во взаимосвязи и взаимовлиянии. Нет культуры, которая не знала бы опыта сравнения. Культура всегда апеллирует к сопоставлению,

сравнению, она является определенным «пространством», где обмениваются и рождаются смыслы, которые стремятся быть переведенными с одного языка на другой.

Диалог русской и китайской литературы – это проникновение и сопряжение русского и восточного в литературном развитии, разрушение границ между народами, эпохами, отражение идеи национального своеобразия русской культуры в мировом художественном процессе.

Сравнительно-исторический анализ «Слова...» и «Песни...» направлен на решение следующих задач: показать самобытность двух культур и выявить общие тенденции в развитии русской и китайской литератур средневековья; развить умение анализа художественных произведений как искусства слова; вычленить эстетическую, нравственную, философскую проблематику произведений.

Самобытная культура Китая, учение Дао, инь и янь и борьба противоположностей в человеке, идея гармоничного человека, приобретение равновесия, его слияние с природой, обретение покоя; это единство равенства человека земле и небу – эти философские идеи воплощены в поэзии Ду Фу. Культурный человек Китая был устремлен к небу [2].

Сопоставление русского национального памятника «Слово о полку Игореве» с памятником китайской поэзии «Песнь о боевых колесницах» свидетельствует о своеобразии разных культур, но и о сходстве проблем и сюжетов в мировой литературе.

Ду Фу сам прошел тяготы военной жизни, и поэтому, читая «Песнь о боевых колесницах», мы ощущаем поэта внутри текста, его высокий эмоциональный настрой, который вызовет ответное эмоциональное сопереживание и образное представление, как ощущаем искреннее страдание безвестного автора «Слова», который сопереживает героям.

Идея «Слова...» заключается в призыве к объединению русских князей против внешних врагов, что сродни идее Ду Фу. Чтобы сохранить мир, нужно объединить усилия всех. И в глубокой древности неизвестный автор

«Слова...», призывая русских князей к объединению, понимал, что это единственный и верный путь для спасения Отечества и сохранения мира на земле. Эти два памятника средневековья характеризовали свое время – время высокой культуры, время междоусобных войн. Ду Фу пишет:

Боевые гремят колесницы,
кони ржут и ступают несмело,
людям трудно за ними тащиться
и нести свои луки и стрелы.

Типологические сходства мы наблюдаем в процессе сравнительно-сопоставительного анализа текстов. В «Песне...» также представлен поход войска против прекращения набегов врагов, передаётся обстановка феодальной раздробленности Китая, которой пользуются «конные орды шаньюя» и других пограничных племён:

Стон стоит на просторах Китая.
А зачем императору надо
Жить, границы страны расширять?
Мы и так не страна, а громада.

Художественные детали, образные сравнения помогают Ду Фу раскрыть тяготы долгого и дальнего изнурительного военного похода.

Не успел и обряд совершиться,
а вернулся с седой головою,
и опять его гонят к границе.

Читая тексты двух самобытных памятников раннего средневековья, древнерусского и китайского, мы отмечаем и текстуальные сходства. «Кони ржут за Сулою» – читаем мы в «Слове»; «Кони ржут и ступают несмело» – говорится в «Песни» Ду Фу. Оба автора с упрёком обращаются к владыкам прошлого и настоящего, используют выразительную символику (Жля, Обида – в «Слове»; «Мольба потеряла Надежду» – у Ду Фу). У обоих авторов поход сопровождается плачем и слезами женщин. Война, выступающая как насилие, оборачивается страданиями и муками простых пахарей: «Стон стоит / На

просторах Китая». И в том, и в другом произведении возникает образ горького посева:

Не спасительный рис
Вырастает, вырастают
Лишь сорные травы.

Завершается «Песнь...» картиной жестокого кровавого побоища. «Там белеют / Солдатские кости», — замечает китайский поэт. И автор «Слова..», и Ду Фу горестно называют представленный ими поход «бесславленным» [4, с. 470].

Сравнительно-сопоставительный анализ на текстуальном уровне дает представление о центральных проблемах, объединяющих эти произведения, – проблемах страдания, свободы, патриотизма. В процессе анализа обратим внимание на следующие вопросы:

- по каким основаниям можно сопоставить эти произведения;
- выявим в тексте сравнения на текстуальном, философском и лексическом уровнях;
- определим настроение, которым проникнуты и взаимосвязаны тексты;
- определим жанровые особенности произведения.

Философская проблема свободы явно выражена в рассматриваемых нами произведениях (внутренняя свобода – это собственная свобода от взглядов других, свобода воли; внешняя свобода – свобода государства).

Страдания людей, с точки зрения китайской философии, – это самосовершенствование личности. Страдания очищают, при очищении происходит соединение человека с природой. Идентичность этих мотивов мы наблюдаем и в «Слове...» в описании образов князей Игоря и Святослава, в образе Бояна. Однако у императора в «Песни...» нет соединенности с природой, нет процесса очищения и самосовершенствования, поскольку «инь» возобладала в нем, он не страдает, в отличие от страданий князя Игоря.

Типологическое сходство этих двух произведений средневековья состоит и цветовой гамме и в музыкально-ритмическом наполнении текста.

Читая текст «Слова о полку Игореве», мы чувствуем образность и напевность языка, видим ритмически организованную речь, обилие гласных и особый музыкальный строй стиха. В китайском языке четыре тона – четыре разнозвучающие ноты, которые придают произведению красоту звучания текста, образность и напевность.

Оба произведения выражают основной мотив средневековой поэзии – мотив свободы, призыва выступить за землю, за Родину, за обиженных и угнетенных.

Сравнительно-сопоставительный анализ «Слова о полку Игореве» и «Песни о боевых колесницах» – текстов столь разных культур – отражает общие черты, присущие средневековому эпосу, который вобрал в себя народную поэзию (плач, мольбу, сказание, предание, песнь). Поэтому так мощно звучит в этих произведениях отвращение к усобицам, кровопролитию, насилию и так ярко представлен в них идеал воинской чести, доблести и подлинной славы. Эти произведения сохранили своё неповторимое национальное своеобразие. Они представляют в нашем сознании ту эстетическую ценность, которая была рождена в эпоху раннего средневековья и дошла до нас в своей неувядаемой красоте.

Список литературы

1. Ду Фу. В поход за Великую стену. М.: Азбука, 2006. 272 с.
2. Коновалова Л.И., Букреева С.В. Взаимосвязанное изучение русской и зарубежной литератур в основной общеобразовательной школе: учебно-методическое пособие. СПб.: ЛОИРО, 2014. 346 с.
3. Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве и культура его времени. Л.: Художественная литература 1985. 352 с.
4. Роговер Е.С. Методика преподавания литературы: уч. пособие. СПб.: Изд-во «Олимп-СПб», 2010. 572 с.

С.В. Петухов
Ленинградский областной институт развития образования,
кандидат филологических наук,
кафедра филологического образования
E-mail: sergeypetuhov@mail.ru

Восприятие и интерпретация русской литературы в системе образования Китая

Аннотация: В статье анализируются рецепция и толкование классических произведений русской литературы в китайской образовательной системе. Целый ряд русских писателей изучается в школах Поднебесной, но особенный интерес у китайцев вызывают книги, созданные по канонам социалистического реализма, в частности «Как закалялась сталь» Николая Островского. Основное внимание в статье уделяется именно таким текстам.

Ключевые слова: Русская литература, восприятие, интерпретация, социалистический реализм, герой, образовательная система Китая.

S.V. Petukhov
Leningrad regional Institute of education development,
Candidate of philological sciences,
Department of philological education
E-mail: sergeypetuhov@mail.ru

Perception and interpretation of Russian literature in China's education system

Summary: The article analyzes the reception and interpretation of classical works of Russian literature in the Chinese educational system. A number of Russian writers are studied in the schools of China, but the Chinese are particularly interested in books created by the canons of socialist realism, in particular "How Hardened Steel" Nikolai Ostrovsky. The main attention is paid to these texts.

Keywords: Russian literature, perception, interpretation, socialist realism, hero, educational system of China.

Открытие русской литературы в Китае 115 лет назад связано с именем А.С. Пушкина. Через него Китай узнавал для себя Россию, русскую душу, русскую культуру, а самого поэта стали называть «отцом русской

литературы». Хрестоматийными для китайских школьников и студентов до сих пор являются два стихотворения Пушкина: «Я Вас любил...» и «Если жизнь тебя обманет...».

Вообще китайцам свойственно метафоричное восприятие (к чему иероглифика обязывает), и в силу этого великих писателей они характеризуют по-особенному: Л.Н. Толстой – «великий мудрец», Ф.М. Достоевский – «скитающаяся душа», А.П.Чехов – «целитель душ», М. Горький – «учитель жизни» [3]. В 50-е годы (один из наиболее активных периодов русско-китайской дружбы) каждого из этих классиков знали десятки миллионов жителей Поднебесной и читали русскую литературу с интересом и уважением. В середине XX века русский язык пытались освоить многие китайцы, но заговорили на нем далеко не все.

Сегодня в китайской средней школе, даже если дети не изучают русский язык, они все равно знакомятся с русской литературой. В программе можно найти произведения А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Л.Н. Толстого, М.Горького, Н.А. Островского и Б.Л. Васильева. Младшие школьники читают «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина и басни И.А. Крылова. В 8-9 классе дети наизусть заучивают отрывки из «Человека в футляре» Чехова и «Ревизора» Гоголя. Однако недавно опрошенные популярным информационным изданием КНР «Жэньминь Жибао он-лайн» китайцы, среди которых есть и изучавшие в молодости русский язык, сожалеют, что произведения русской и советской литературы, включенные в школьную программу, так и не позволили им ничего узнать о современном российском обществе и раскрыть секреты «загадочной русской души».

Следует отметить, что особое место в образовательной системе Китая занимает советская литература социалистического реализма, в частности, М. Горький и Н. Островский. До сих пор обязательными для изучения в школах Поднебесной являются повесть «Мать» Горького (текст, опубликованный в китайских учебниках в отрывках) и «Как закалялась сталь» Н. Островского. Откуда такая любовь к соцреализму? Формирование любви китайцев к

русской культуре и литературе имеет исторические корни. В момент возникновения нового культурного «Движения 4 мая» (так называемой культурной революции 1919 года), русская культура, а также немецкий марксизм и французская идеология Просвещения одновременно проникли в Китай. Они и легли в основу идеологии «Движения 4 мая». Китайский писатель Лу Синь, также как и другие выдающиеся культурные деятели того времени, называли перевод и знакомство с русской и советской литературой «тайным оружием восстания рабов» [2, с. 5].

С 1949 по 1958 годы соцреализм в Китае не только обладал абсолютно непоколебимым статусом, но и был оценен как направление, к которому новая китайская литература постоянно стремилась. Сегодня влияние соцреализма склонны считать в Китае мощным, но разрушительным. Считается, что он не только привел к расширению ультралевой линии и культ личности, но и закрыл китайскую литературу от литературы мировой. Единственным исключением долгое время оставалась советская литература.

Крупный китайский писатель, историк и общественный деятель Го Можо в своей статье «Общение двух литератур» писал: «Влияние Горького на современную китайскую литературу – это больше, чем чисто литературное влияние. Китайские писатели преклоняются перед Горьким, любят его, следуют ему; его жизнь воспевается как пример чистоты и совершенства, его произведения читают как библию, его литературно-публицистские статьи имеют не меньшее влияние в Китае, чем в Советском Союзе. Писатели учатся у Горького и жизни, и творчеству. От Горького мы узнаем не только, как нужно писать или о чем писать, но и учимся жить и бороться. Во всей длительной истории китайской литературы не найти никого, кто мог бы соперничать с Горьким в духовном влиянии на китайского писателя» [1].

В советское время творчество М. Горького в Поднебесной рассматривалось исключительно с идеологических позиций, что было и в советском литературоведении, а образы, им созданные – «свободных людей», «борцов» – выступают впечатляющим примером для передовых китайцев,

пробуждающих революционное сознание широчайших народных масс.

Николай Островский в Китае до сих пор воспринимается как народный герой Павка Корчагин. Полную славы биографию писателя и скоротечную жизнь изучали в XX веке и изучают в Поднебесной сейчас. Его слова о коммунизме вдохновляли несколько поколений китайской молодежи на то, чтобы посвятить свои юные годы и жизнь делу народа. «Кто не горит – тот коптит, да здравствует пламя жизни!» – вот девиз талантливого писателя и мужественного человека.

Роман «Как закалялась сталь» получил широкую популярность среди школьников. Дети брали с Павла пример в преодолении трудностей, учились быть сильными. Не только героизм, но и бесконечная китайская любовь к безнадежно больным в силу несправедливости жизни, каким был Николай Островский, и забота о нуждающихся сделали писателя и главного персонажа его творчества культовым, непреходящим. При этом необходимо отметить, что в создании этого культа личности активное участие принимала и принимает коммунистическая партия Китая.

Подвиг Корчагина – самопожертвование, жизнь, без сомнения отданная за революционные идеалы и светлое будущее потомков. В силу доминирующей в Китае социалистической идеологии герой становится образцом и «руководством к действию». Для миллионов китайцев имя «Павел Корчагин» стало просто вторым названием вечного революционера, а также символом упорной борьбы и неуклонного стремления вперед. Павел Корчагин стал идеей, объединившей многочисленный китайский народ и, возможно, этим объясняются его большие экономические достижения.

За последнее десятилетие XXI века Николай Островский издавался в Поднебесной 32 раза полуторамиллионным тиражом. Многие страны мира сегодня нуждаются в национальной идее. Для Китая такой проблемы не существует, ибо готовые идеологические эрзацы он уже нашел чуть меньше столетия назад и адаптировал их для своей социокультурной ситуации.

В подобном контексте воспринимается в Поднебесной и роман Бориса

Васильева «А зори здесь тихие» с его идеями жертвенности, красоты, молодости, положенной на алтарь служения народу, Родине, многовековой истории. Всекитайский катарсис, вызванный сопереживанием трагедии братского советского народа, совершенно искренен и чрезвычайно глубок.

В 50-е годы прошлого столетия в некоторых китайских школах имелись так называемые «группы Павла». С фрагментом его романа до сих пор можно познакомиться в школьных учебниках по китайскому языку. А в 2000 году на Украине китайские кинематографисты «по просьбам трудящихся» сняли 20-серийный телевизионный фильм «Как закалялась сталь», который признали в Китае лучшим сериалом года и на который из государственных средств своей страны потратили полтора миллиона долларов. Прежде чем начать делать фильм, исследователи провели социологический опрос, по кому из мировых классиков люди хотели бы увидеть сериал. Рекордное количество голосов набрал Н. Островский.

Портреты Николая Островского в домах китайских интеллигентов не редкость. Он до сих пор является кумиром китайской молодежи.

Сегодня более чем в 110 вузах Китая преподаются русский язык и литература на факультетах, где выпускаются студенты по специальности «русский язык как иностранный». Основными центрами изучения русской культуры в Китае являются Пекинский, Хэйлунцзянский и Даляньский университеты, Пекинский и Шанхайский университеты иностранных языков. При поддержке фонда «Русский мир» в начале XXI века в Китае при крупных университетах начали создаваться и успешно функционировать Центры русского языка.

Профессор Чжэн Тиу, декан факультета русского языка Шанхайского университета иностранных языков, считает: «Нет ни одной страны, чья культура оказала бы такое глубокое влияние на Китай, как Россия; нет ни одной страны, чья судьба так сильно волновала бы китайский народ, как судьба России. Уверен, в новом XXI веке перед вызовом глобализации русская культура с ее высокими духовными стремлениями и ее носитель –

русский язык, как и китайская культура, предполагающая гармонию и согласие, и ее носитель – китайский язык, должны и могут внести свой незаменимый вклад во взаимопонимание и дружбу народов, защищая разнообразие и многополярность культур мира» [5].

Русская литература в образовательной системе современного Китая является генератором и проводником национальных идей и смыслов. Через букву, слово, текст китайский народ открывает для себя ценности русского мира во всем его многообразии, экстраполируя доминирующие модели на собственную историю.

Характеризуя современную ситуацию в Китае в духе Конфуция «эпохой перемен», протоиерей, миссионер, настоятель храма апостолов Петра и Павла в Гонконге Дионисий Поздняев совершенно справедливо утверждает: «Экономические, социальные, культурные сдвиги, происходящие в Китае, по своим масштабам, пожалуй, не знают себе равных в истории. Основные проблемы сегодня лежат не в области социологии или экономики, их корни – в разрушении привычной системы ценностей, кризисе веры... Сегодня Китай, возможно, острее даже чем остальной мир, стоит перед проблемой духовного голода. Поиск веры, поиск надежды, поиск смысла бытия, как для многих китайских интеллектуалов, так и для простого народа стал одним из важнейших внутренних мотивов» [4]. По-видимому, именно «духовный голод» становится основой такого пристального интереса к русской литературе и «долгожителям русского духовного Олимпа» (Пушкину, Гоголю, Чехову, Толстому, Достоевскому). Ведь русская литература, русский живой текст воспринимается китайцами как некий идеал, образец, который ничего не навязывает, но ни к чему не обязывает и при этом обладает важными для жителей Поднебесной целительными, очищающими, влекущими и, главное, жизнестроительными свойствами.

В 2016 году были подведены итоги проекта «10 шедевров китайской литературы в России и 10 шедевров русской литературы в Китае», который в рамках перекрестного года СМИ России и Китая организовали ТАСС и газета

«Гуанмин жибао». Как показал опрос более полутора миллионов респондентов из Поднебесной, в десятку лучших произведений русских авторов, оказавших влияние на культуру и мировоззрение китайских читателей, вошли «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «Мертвые души» Н. Гоголя, «Отцы и дети» И. Тургенева, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Война и мир» Л. Толстого, «Человек в футляре» А. Чехова, «Детство», «В людях», «Мои университеты» М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова и «Как закалялась сталь» Н. Островского.

Список литературы

1. Ли Лянь-шу. Влияние Чехова на китайских писателей // URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/ml3/ml3-052-.htm> (Дата обращения: 11.03.2018).
2. Лу Синь. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 10. Пекин: Народная лит., 1981. 349 с.
3. Петухов С.В. Русская литература в диалоге с китайским читателем: монография. Забайкальский гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2014. 152 с.
4. Поздняев Д. Православная Церковь в Китае в период проведения политики реформ и открытости // URL: http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_9216 (Дата обращения 10.03.2018).
5. Русский язык в Китае // Русский мир.ru. 2009. №10. С. 23.

IV. NEMO NASCICTUR DOCTUS

УДК 32

О.А. Федоров
Забайкальский государственный университет,
магистрант направления «Прикладная политология»,
исторический факультет
E-mail: dmdak@yandex.ru

Молодежные парламентские структуры как фактор развития молодежной политики в Забайкальском крае

Аннотация: В данной статье рассмотрено становление молодежного парламентского движения на территории Забайкальского края. Проанализированы особенности деятельности молодежных парламентских структур разного уровня. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что молодежное парламентское движение закладывает кадровый потенциал для развития Забайкальского края и повышения социальной активности населения региона.

Ключевые слова: Политика, молодежь, молодёжный парламентаризм, Забайкальский край.

О.А. Fedorov
TRANS-Baikal State University,
undergraduate the direction of "Applied political science",
the history Department
E-mail: dmdak@yandex.ru

Youth parliamentary structures as a factor of development youth policy in the TRANS-Baikal territory

The summary: This article considers the formation of the youth parliamentary movement in the TRANS-Baikal territory. Analyses the peculiarities of the activities of the youth parliamentary structures at different levels. On the basis of the conducted research the author comes to the conclusion that the youth parliamentary movement lays the personnel potential for the development of the TRANS-Baikal territory and increase of social activity of the population of the region.

Keywords: Politics, youth, youth parliamentarism, TRANS-Baikal territory.

Молодёжный парламентаризм является системой представительства прав и законных интересов молодёжи как особой социальной группы, устроенной на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – молодежного парламента, а также других общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства. Молодежный парламентаризм также понимается как элемент гражданского общества, представляющий собой механизм реализации молодёжной политики в форме участия молодёжи в социально-экономических, общественно-политических процессах.

Впервые о молодёжных парламентских структурах всерьёз заговорили на открытой дискуссии по вопросам молодежного парламентаризма в России только в 1999 году в Институте молодежи в рамках круглого стола «Молодежный парламент – механизм реализации молодежной политики, интересов молодежи через участие в выборах всех уровней» [1, с.7]. В начале 2003 года в городе Рязань прошел первый всероссийский семинар-совещание «Развитие молодежного парламентаризма в Российской Федерации», ознаменованный выпуском материалов по его итогам об опыте работы молодежных парламентских структур в регионах России. Важной составляющей совещания стала разработка рекомендаций по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации, на основе которых с целью развития общественной составляющей государственной молодежной политики, эффективного вовлечения молодежи в ее реализацию, формирования активной гражданской позиции молодого человека, его социальной зрелости, в соответствии с направлением «Создание условий для эффективной реализации потенциала молодежи в процессе социально-экономических преобразований в стране. Поддержка детских, молодежных и студенческих общественных объединений» Федеральной целевой программы «Молодежь России (2001 – 2005 годы)» в дальнейшем были созданы

молодежные парламентские структуры в большинстве субъектов Российской Федерации.

Появление молодежного парламентаризма имеет свои социально-исторические корни. Возникновение Молодежного парламентаризма многие связывают с тем, что после развала СССР возникла ниша, которую ранее занимали комсомольские структуры, и её необходимо было заполнить для более эффективной реализации молодежной политики [2, с. 38].

Важной датой в создании и повсеместном развитии молодёжных парламентских структур в Забайкальском крае можно считать 28 ноября 2006 года, когда в результате процесса объединения двух субъектов Российской Федерации, Агинского Бурятского автономного округа и Читинской области депутатами «переходного» состава Читинской областной Думы в положение об Общественной молодежной палате при Читинской областной Думе были внесены существенные изменения, касающиеся в основном формирования и численного состава [3, с. 1]. Так, в состав молодёжной палаты при Читинской областной Думе вошли представители от Молодежного парламента Агинского Бурятского автономного округа, который получил право на основании своего решения делегировать в состав молодежной палаты Читинской области трех представителей.

Стоит отметить, что в объединяемых регионах молодежные парламентские структуры существовали, при этом имели схожие, но не идентичные цели и задачи, а также разные принципы формирования.

Если обратиться к истории, то Молодежная палата при читинской областной Думе впервые была создана в 2006 году как консультативно-совещательный орган, осуществляющий свою деятельность на общественных началах с целью содействия деятельности читинской областной Думе в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи. Перед членами палаты, которая формировалась из представителей муниципальных районов, городских округов, молодежных общественных организаций и учебных заведений Читинской области, которые были в

возрасте от 18 до 30 лет ставились две основные задачи: приобщение молодежи Читинской области к законотворческой деятельности, и формирование у молодёжи правовой и политической культуры.

Молодежный парламент Агинского Бурятского автономного округа на тот момент являлся наиболее развитым и работоспособным. Безусловно, связано это было с тем, что Молодёжный парламент Агинского Бурятского автономного округа был обозначен как Совещательный орган при окружной Думе Агинского Бурятского автономного округа в законе «Об Агинской Бурятской окружной Думе» еще в 2003 году. Деятельность Молодежного парламента, как совещательного органа регулировалась положением, утвержденным на заседании Молодежного парламента. Следовательно, можно сказать, что данный орган был более самостоятелен, чем молодёжная палата при Читинской областной Думе.

Молодёжные парламентские структуры должны были работать совместно, по аналогии с Думами субъектов до прекращения их полномочий, которые истекали в октябре 2008 года, после вступления в силу полномочий депутатов Законодательного Собрания Забайкальского края, которые обобщив опыт структур, 18 марта 2009 года приняли положение о Молодёжном парламенте при Законодательном Собрании Забайкальского края, который создавался на срок полномочий Законодательного Собрания Забайкальского края первого созыва, тем самым дав старт его формированию.

Парламент был сформирован из граждан в возрасте от 18 до 30 лет на добровольной основе из представителей от муниципальных районов, городских округов, молодежных общественных организаций, учебных заведений Забайкальского края, в общем количестве 50 человек – 35 представителей от муниципальных районов и городских округов Забайкальского края и 15 представителей от молодежных общественных организаций и учебных заведений Забайкальского края.

На первом заседании были определены два основных направления работы: развитие молодежного парламентаризма и законотворчество, для чего было создано две комиссии.

Комиссия по развитию молодежного парламентаризма определив перед собой цель в способствовании созданию и развитию в регионе молодежных парламентских структур (палат и советов) на муниципальном уровне, активизировала работу с молодежью в районах Забайкальского края, способствовало этому представительство по одному представителю от каждого муниципального района и городского округа.

Со временем были выработаны методики, рекомендации и механизмы взаимодействия краевого молодежного парламента, его представителя в районе, активной молодежи, органами власти, а также типовые документы, необходимые для создания молодежных парламентских структур на местах.

Проводились круглые столы и региональные форумы молодых парламентариев, очередные заседания, вносились инициативы в области законотворчества, выявлялись ценностные ориентиры молодежи, благодаря чему была выявлена золотая середина в работе молодежных парламентских структур в Забайкальском крае.

В результате проделанной работы практически во всех городских округах и муниципальных районах были созданы молодежные парламентские структуры, вовлекшие в свои ряды широкие слои молодёжи, которые, продвигая свои инициативы, активизировали молодежную политику на территории Забайкальского края и образуя молодежное парламентское движение в регионе. Что позволило специалистам в области молодежной политики на местном уровне, используя опыт коллег, проводить эффективную работу. Процесс повлек за собой обоюдную интеграцию членов молодёжных парламентов органы власти и специалистов, отвечающих за работу с молодёжью на местах и иных представителей власти в свои структуры.

Учитывая выше изложенное, можно сделать вывод, что Молодежные Парламентские структуры являются действительно необходимым в современных реалиях инструментом реализации молодежной политики в Забайкальском крае. Молодёжное парламентское движение в Забайкальском крае закладывает кадровый потенциал для дальнейшего процветания забайкальского края и повышения социальной активности населения.

Список литературы

1. Пастухова Л.С. О молодежном парламентаризме в Российской Федерации // Право и политика. 2007. № 7 (91). С. 123 – 129.
2. Пастухова Л.С. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2007.
3. Постановление областной Думы Читинской области от 28.11.2006 №341 // Сейчас.ру / URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2276802>.

УДК 32

П.Б. Шкирин
Забайкальский государственный университет,
магистрант направления «Прикладная политология»,
исторический факультет
E-mail: dmdak@yandex.ru

Демографическая политика государства и проблемы воспроизводства населения в современной России

Аннотация: В статье рассматривается проблема, связанная с тенденциями снижения численности населения в России. Необходимость выработки особой демографической политики в России смогла повлиять на процессы депопуляции, хотя и не привела к кардинальному решению проблемы. Ситуация усложняется из-за текущих процессов модернизации, напрямую связанных с качественным развитием сложных систем (демографические системы относятся к ним в первую очередь), с отсутствием равновесия, скачками и кризисами.

Ключевые слова: Демографическая ситуация, депопуляция, воспроизводство населения, демографическая политика.

P.B. Shkirin

Demographic policy of the state and problems of population reproduction in modern Russia

The summary: The article deals with the problem of population decline trends in Russia. The need to develop a special demographic policy in Russia could affect the processes of depopulation, although it did not lead to a radical solution to the problem. The situation is complicated by the current processes of modernization, directly related to the qualitative development of complex systems (demographic systems are among them in the first place), with the lack of balance, jumps and crises.

Keywords: Demographic situation, depopulation, population reproduction, demographic policy.

Демографическая ситуация, сложившаяся в России в последние годы, несмотря на ряд позитивных изменений, остается неоднозначной. Для понимания происходящих современных демографических процессов обратимся немного к истории.

В России в середине 60-х годов XX века произошел переход от расширенного режима воспроизводства населения к суженному, поколения детей перестали замещать поколения родителей. Но численность населения России продолжала расти. А в начале 90-х годов наступил период депопуляции [5, с. 135]. После распада СССР, началось значительное снижение прироста населения. Рождаемость упала в связи с политическим и экономическим кризисом в этот период. Страдало как воспроизводство населения, так и производство материальных благ и услуг. Благосостояние граждан заметно ухудшилось в этот период. Из-за небольшого дохода многие семьи не могли себе позволить обеспечивать много детей.

Российское правительство стало уделять внимание к демографической проблеме только в начале XXI века. Распоряжением правительства от 24 сентября 2001 года была принята концепция демографического развития

России до 2015 года. Данная концепция носила в основном описательный характер, но не содержала планов и сроков реализации программы. В 2006 году был принят закон Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 года 256-ФЗ: «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [2]. Были приняты меры материальной поддержки семей: материнский капитал за рождение второго ребенка и последующего, повышение материнских пособий и т.д.

Заметный рост рождаемости в России начался после 2006 г. Безусловно присутствует положительное влияние мер демографической политики, но также прирост населения был связан и с общей стабилизацией обстановки в стране.

7 мая 2012 года был подписан указ «О мерах реализации демографической политики Российской Федерации» [1]. В нем излагается поручение по введению дополнительной ежемесячной выплаты на третьего и последующего ребенка.

В январе 2018 года по инициативе В.В. Путина был увеличен размер пособий, который должен теперь выплачиваться в размере не меньше регионального детского прожиточного минимума [3].

По итогам 2017 года население страны составило 146 млн. чел, а продолжительность жизни преодолена за 70-летний рубеж. Только начиная с 2011 г. наметился положительный процент прироста населения. Но численность даже еще не достигла 1990 г., когда населения составляло 148 млн. чел. [4, с. 16]. Вместе с тем демографическая ситуация все еще неустойчива. И на смену достигнутой стабилизации и увеличения численности населения в скором времени придет новый виток депопуляции. Это связано с малочисленным поколением 90-х годов, вступившим в репродуктивный возраст. Причиной нового витка депопуляции также является смена ориентаций населения – экономических, политических и идеологических, когда малодетность становится социальной нормой.

На воспроизводство населения России существенную роль оказывает

социально-экономическая нестабильность. Негативное восприятие условий жизни мешает удовлетворению потребности в детях. Страдает качество воспроизводимого населения: среди многодетных семей увеличиваются девиантные семьи. «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов» – справедливо в 1922 г. писал П. Сорокин [6, с. 149].

Текущая динамика миграционных процессов в стране также обусловлена в основном экономическими причинами, хотя нельзя сбрасывать со счетов и другие причины (политические, этнические и т.д.). При этом, чем выше различия в уровнях экономического развития регионов, тем более однонаправленным является характер миграционного обмена между ними, принимающий вид отношений: «регионы – миграционные доноры» и «регионы – миграционные реципиенты»

Все эти демографические процессы и проблемы имеют большую сложность в управлении. Так как демографическое поведение отдельной личности или семьи не может регулироваться напрямую, это процесс самоорганизации населения. Усложняет демографическую модернизацию тот факт, что качественное развитие сложных систем (демографические системы относятся к ним в первую очередь), связано с неравновесием, скачками и кризисами.

Россия – самая большая страна мира с очень низкой плотностью населения. Депопуляция, негативные демографические тенденции в России грозят нарушением экономической и военной безопасности. В России пока не сформулирована внятная программа борьбы с опаснейшим для нее явлением депопуляции. Это демографическая проблема – это проблема будущего России ее потенциала. Таким образом, требуется разработка государственной стратегии демографической модернизации, которая учитывала бы всю совокупность факторов, проблем, под воздействием которых формируются перспективы демографического развития.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации № 606 от 07.05.2012 «О мерах реализации демографической политики Российской Федерации»
2. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 N 256-ФЗ
3. Федеральный закон от 19.05.1995. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей N 81-ФЗ (ред. от 07.03.2018)
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) Демографический ежегодник России. 2017 // под ред. Г.К. Оксенойт, С. Ю. Никитиной. Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 263 с.
5. Антонов А.И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. М., 2010. С. 134 – 150
6. Антонов Г.В. Демографические установки населения как объект государственной демографической политики // Власть, 2013. Том. 21. № 9. С. 149 – 154.

У. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ

Духи русской революции

Н. А. Бердяев

Опубликовано: Из глубины. Сборник статей о русской революции.

Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Пушкин

Введение

С Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну. И многим начинает казаться, что единая и великая Россия была лишь призраком, что не было в ней подлинной реальности. Не легко улавливается связь нашего настоящего с нашим прошлым. Слишком изменилось выражение лиц русских людей, за несколько месяцев оно сделалось неузнаваемым. При поверхностном взгляде кажется, что в России произошел небывалый по радикализму переворот. Но более углубленное и проникновенное познание должно открыть в России революционный образ старой России, духов, давно уже обнаруженных в творчестве наших великих писателей, бесов, давно уже владеющих русскими людьми. Много старое, давно знакомое является лишь в новом обличье. Долгий исторический путь ведет к революциям, и в них открываются национальные особенности даже тогда, когда они наносят тяжелый удар национальной мощи и национальному достоинству. Каждый народ имеет свой стиль революционный, как имеет и свой стиль консервативный. Национальна была английская революция, и столь же национальна революция французская. В них узнается прошлое Англии и Франции. Каждый народ делает революцию с тем духовным багажом, который накопил в своем прошлом, он вносит в революцию свои грехи и пороки, но также и свою способность к жертве и к энтузиазму. Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп. Но и в этом антинациональном ее характере отразились национальные особенности русского народа и стиль нашей несчастливой и губительной революции – русский стиль. Наши старые национальные болезни и грехи привели к революции и определили ее характер. Духи русской революции – русские духи, хотя и использованы врагом нашим на погибель нашу. Призрачность ее – характерно русская

одержимость. Революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому переставляют все те же элементы и являют старые образы в новых одеяниях. Революция всегда есть в значительной степени маскарад, и если сорвать маски, то можно встретить старые, знакомые лица. Новые души рождаются позже, после глубокого перерождения и осмысливания опыта революции. На поверхности все кажется новым в русской революции – новые выражения лиц, новые жесты, новые костюмы, новые формулы господствуют над жизнью; те, которые были внизу, возносятся на самую вершину, а те, которые были на вершине, упали вниз; властвуют те, которые были гонимы, и гонимы те, которые властвовали; рабы стали безгранично свободными, а свободные духом подвергаются насилию. Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину. Там узнаете вы старую Россию, встретите старые, знакомые лица. Бессмертные образы Хлестакова, Петра Верховенского и Смердякова на каждом шагу встречаются в революционной России и играют в ней немалую роль, они подобрались к самым вершинам власти. Метафизическая диалектика Достоевского и моральная рефлексия Толстого определяют внутренний ход революции. Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи. Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века. Но нет народа, в котором соединялись бы столь разные возрасты, который так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни.

Великим писателям всегда открывались образы национальной жизни, имеющие значение существенное и непреходящее. Россия, раскрывавшаяся ее великим писателям, Россия Гоголя и Достоевского может быть обнаружена и в русской революции, и в ней столкнетесь вы с основными оценками, predeterminedенными Л. Толстым. В образах Гоголя и Достоевского, в моральных оценках Толстого можно искать разгадки тех бедствий и несчастий, которые революция принесла нашей родине, познания духов, владеющих революцией. У Гоголя и Достоевского были художественные прозрения о России и русских людях, превышающие их время. По-разному раскрывалась им Россия, художественные методы их противоположны, но у того и у другого было поистине что-то пророческое для России, что-то проникающее в самое существо, в самые тайники природы русского человека. Толстой как художник для нашей цели не интересен. Россия, раскрывавшаяся его великому художеству, в русской революции разлагается и умирает. Он был художником статики русского быта, дворянского и крестьянского, вечное же открывалось ему, как художнику, лишь в элементарных природных стихиях. Толстой более космичен, чем антропологичен. Но в русской революции раскрылся и по-своему восторжествовал другой Толстой –

Толстой моральных оценок, обнаружилось толстовство как характерное для русских мирозерцание и мировоззрение. Много есть русских бесов, которые раскрывались русским писателям или владели ими, – бес лжи и подмены, бес равенства, бес бесчестья, бес отрицания, бес непротивления и мн<огие>, мн<огие> другие. Все это – нигилистические бесы, давно уже терзающие Россию. В центре для меня стоят прозрения Достоевского, который пророчески раскрыл все духовные основы и движущие пружины русской революции. Начну же с Гоголя, значение которого в этом отношении менее ясно.

I. Гоголь в русской революции

Гоголь принадлежит к самым загадочным русским писателям, и еще мало сделано для его познания. Он загадочнее Достоевского. Достоевский много сделал сам для того, чтобы раскрыть все противоположности и все бездны своего духа. Видно, как дьявол с Богом борется в его душе и в его творчестве. Гоголь же скрывал себя и унес с собой в могилу какую-то неразгаданную тайну. Поистине есть в нем что-то жуткое. Гоголь – единственный русский писатель, в котором было чувство магизма, – он художественно передает действие темных, злых магических сил. Это, вероятно, пришло к нему с Запада, от католической Польши. «Страшная месть» насыщена таким магизмом. Но в более прикрытых формах есть этот магизм и в «Мертвых душах», и в «Ревизоре». У Гоголя было совершенно исключительное по силе чувство зла. И он не находил тех утешений, которые находил Достоевский в образе Зосимы и в прикосновении к матери-земле. Нет у него всех этих клейких листочков, нет нигде спасения от окружавших его демонических рож. Жуткости гоголевского художества совершенно не чувствовала старая школа русских критиков. Да и где им было почувствовать Гоголя! Их предохраняло от восприятия и от понимания таких жутких явлений рационалистическое просвещение. Наша критика была для этого слишком «прогрессивного» образа мыслей, она не верила в нечисть. Она хотела использовать Гоголя лишь для своих утилитарно-общественных целей. Она ведь всегда пользовалась творчеством великих писателей для утилитарно-общественной проповеди. Впервые почувствовал жуткость Гоголя писатель другой школы, других истоков и другого духа – В. В. Розанов. Он не любит Гоголя и пишет о нем с злым чувством, но он понял, что Гоголь был художником зла. Вот что необходимо прежде всего установить – творчество Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего, а не зла общественного и внешнего, связанного с политической отсталостью и непросвещенностью. Гоголю не дано было увидеть образов добра и художественно передать их. В этом была его трагедия. И он сам испугался своего исключительного видения образов зла и уродства. Но то, что было его духовным калечеством, то породило и всю остроту его художества зла.

Проблема Гоголя стала лишь перед тем религиозно-философским и художественным течением, которое обозначилось у нас в начале XX века. Гоголя принято было считать основателем реалистического направления в русской литературе. Странности гоголевского творчества объясняли исключительно тем, что он был сатириком и изображал неправду старой крепостнической России. Всю необычайность гоголевских художественных приемов просмотрели. В гоголевском творчестве не видели ничего проблематического, потому что вообще не видели ничего проблематического. Все представлялось русским критикам ясным и легко объяснимым, все было упрощено и сведено к элементарной утилитарной задаче. Поистине можно сказать, что критическая школа Белинского, Чернышевского, Добролюбова и их эпигонов просмотрела внутренний смысл великой русской литературы и не в силах была оценить ее художественные откровения. Должен был произойти духовный кризис, должны были быть потрясены все основы традиционного интеллигентского мировоззрения, чтобы по-новому раскрылось творчество великих русских писателей. Тогда только сделался возможен и подход к Гоголю. Старый взгляд на Гоголя как на реалиста и сатирика требует радикального пересмотра. Теперь уже, после всех усложнений нашей психики и нашего мышления, слишком ясно, что взгляд литературных староверов на Гоголя не стоит на высоте гоголевской проблемы. Нам представляется чудовищным, как могли увидеть реализм в «Мертвых душах», произведении невероятном и небывалом. Странное и загадочное творчество Гоголя не может быть отнесено к разряду общественной сатиры, изобличающей временные и преходящие пороки и грехи дореформенного русского общества. Мертвые души не имеют обязательной и неразрывной связи с крепостным бытом и ревизор – с дореформенным чиновничеством. И сейчас, после всех реформ и революций, Россия полна мертвыми душами и ревизорами, и гоголевские образы не умерли, не отошли в прошлое, как образы Тургенева или Гончарова. Художественные приемы Гоголя, которые менее всего могут быть названы реалистическими и представляют своеобразный эксперимент, расчленяющий и распластовывающий органически-целостную действительность, раскрывают что-то очень существенное для России и для русского человека, какие-то духовные болезни, не излечимые никакими внешними общественными реформами и революциями. Гоголевская Россия не есть только дореформенный наш быт, она принадлежит метафизическому характеру русского народа и обнаруживается и в русской революции. То нечеловеческое хамство, которое увидел Гоголь, не есть порождение старого строя, не обусловлено причинами социальными и политическими, наоборот, – оно породило все, что было дурного в старом строе, оно отпечатлелось на политических и социальных формах.

Гоголь как художник предвосхитил новейшие аналитические течения в искусстве, обнаружившиеся в связи с кризисом искусства. Он предваряет искусство А. Белого и Пикассо. В нем были уже те восприятия

действительности, которые привели к кубизму. В искусстве его есть уже кубистическое расчленение живого бытия. Гоголь видел уже тех чудовищ, которые позже художественно увидел Пикассо. Но Гоголь ввел в обман, так как прикрыл смехом свое демоническое созерцание. Из новых русских художников за Гоголем идет даровитейший из них – Андрей Белый, для которого окончательно померк образ человека и погрузился в космические вихри. А. Белый не видит органической красоты в человеке, как не видит ее Гоголь. Он во многом следует за художественными приемами Гоголя, но делает и совершенно новые завоевания в области формы. Уже Гоголь подверг аналитическому расчленению органически-цельный образ человека. У Гоголя нет человеческих образов, а есть лишь морды и рожи, лишь чудовища, подобные складным чудовищам кубизма. В творчестве его есть человекоубийство. И Розанов прямо обвиняет его в человекоубийстве. Гоголь не в силах был дать положительных человеческих образов и очень страдал от этого. Он мучительно искал образ человека и не находил его. Со всех сторон обступали его безобразные и нечеловеческие чудовища. В этом была его трагедия. Он верил в человека, искал красоты человека и не находил его в России. В этом было что-то невыразимо мучительное, это могло довести до сумасшествия. В самом Гоголе был какой-то духовный вывих, и он носил в себе какую-то неразгаданную тайну. Но нельзя винить его за то, что вместо образа человека он увидел в России Чичикова, Ноздрева, Собакевича, Хлестакова, Сквозник-Дмухановского и т. п. чудищ. Его великому и неправдоподобному искусству дано было открыть отрицательные стороны русского народа, его темных духов, все то, что в нем было нечеловеческого, искажающего образ и подобие Божье. Его ужаснула и ранила эта нераскрытость в России человеческой личности, это обилие элементарных духов природы вместо людей. Гоголь – inferнальный художник. Гоголевские образы – ключья людей, а не люди, гримасы людей. Не его вина, что в России было так мало образов человеческих, подлинных личностей, так много лжи и лжеобразов, подмен, так много безобразности и безобразности. Гоголь нестерпимо страдал от этого. Его дар прозрения духов пошлости – несчастный дар, и он пал жертвой этого дара. Он открыл нестерпимое зло пошлости, и это давило его. Нет образа человека и у А. Белого. Но он принадлежит уже другой эпохе, в которой пошатнулась вера в образ человека. Эта вера была еще у Гоголя. Русские люди, желавшие революции и возлагавшие на нее великие надежды, верили, что чудовищные образы гоголевской России исчезнут, когда революционная гроза очистит нас от всякой скверны. В Хлестакове и Сквозник-Дмухановском, в Чичикове и Ноздреве видели исключительно образы старой России, воспитанной самовластьем и крепостным правом. В этом было заблуждение революционного сознания, неспособного проникнуть в глубь жизни. В революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд. В нестерпимой революционной пошлости есть вечно-гоголевское. Тщетны оказались

надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подымется во весь свой рост после того, как падет самовластье. Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре. Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией. Взятка расцвела еще больше, чем когда-либо. Происходит грандиозная нажива на революции. Сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу в революционной России. Нет уже самодержавия, но по-прежнему Хлестаков разыгрывает из себя важного чиновника, по-прежнему все трепещут перед ним. Нет уже самодержавия, а Россия по-прежнему полна мертвыми душами, по-прежнему происходит торг ими. Хлестаковская смелость на каждом шагу дает себя чувствовать в русской революции. Но ныне Хлестаков вознесся на самую вершину власти и имеет больше оснований, чем старый, говорить: «министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я», или: «а любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели». Революционные Хлестаковы с большим правдоподобием могут говорить: «Кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, – нет, мудрено... Нечего делать – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!» И революционный Иван Александрович берется управлять департаментом. И когда он проходит, «просто землетрясение, все дрожит и трясется, как лист». Революционный Иван Александрович горячится и кричит: «я шутить не люблю, я им всем задам острастку... Я такой! Я не посмотрю ни на кого... Я везде, везде». Эти хлестаковские речи мы слышим каждый день и на каждом шагу. Все дрожат и трясутся. Но, зная историю старого и вечного Хлестакова, в глубине души ждут, что войдет жандарм и скажет: «Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сейчас же к себе». Страх контр-революции, отравивший русскую революцию, и придает революционным дерзаниям хлестаковский характер. Это постоянное ожидание жандарма изобличает призрачность и лживость революционных достижений. Не будем обманываться внешностью. Революционный Хлестаков является в новом костюме и иначе себя именует. Но сущность остается той же. Тридцать пять тысяч курьеров могут быть представителями «совета рабочих и солдатских депутатов». Но это не меняет дела. В основе лежит старая русская ложь и обман, давно увиденные Гоголем. Оторванность от глубины делает слишком легкими все движения. В силах

ныне господствующих и властвующих так же мало онтологического, подлинно сущего, как и в гоголевском Хлестакове. Ноздрев говорил: «Вот граница! Все, что ни видишь по эту сторону, – все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и все, что за лесом, – все мое». В большей части присвоений революции есть что-то ноздревское. Личина подменяет личность. Повсюду маски и двойники, гримасы и клочья человека. Изолгание бытия правит революцией. Все призрачно. Призрачны все партии, призрачны все власти, призрачны все герои революции. Нигде нельзя нащупать твердого бытия, нигде нельзя увидеть ясного человеческого лица. Эта призрачность, эта неонтологичность родилась от лживости. Гоголь раскрыл ее в русской стихии.

По-прежнему Чичиков ездит по русской земле и торгует мертвыми душами. Но ездит он не медленно в кибитке, а мчится в курьерских поездах и повсюду рассылает телеграммы. Та же стихия действует в новом темпе. Революционные Чичиковы скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России. Многие декреты революционной власти совершенно гоголевские по своей природе, и в огромной массе обывателей они встречают гоголевское к себе отношение. В стихии революции обнаруживается колоссальное мошенничество, бесчестность как болезнь русской души. Вся революция наша представляет собой бессовестный торг, – торг народной душой и народным достоянием. Вся наша революционная аграрная реформа, эсеровская и большевистская, есть чичиковское предприятие. Она оперирует с мертвыми душами, она возводит богатство народное на призрачном, нереальном базисе. В ней есть чичиковская смелость. В нашем летнем герое аграрной революции было поистине что-то гоголевское. Немало было также маниловщины в первом периоде революции и в революционном временном правительстве. Но «Мертвые души» имеют и глубокий символический смысл. Все хари и рожи гоголевской эпопеи появились на почве омертвления русских душ. Омертвление душ делает возможными чичиковские похождения и встречи. Это длительное и давнее омертвление душ чувствуется и в русской революции. Потому и возможен в ней этот бесстыдный торг, этот наглый обман. Не революция сама по себе это создала. Революция – великая проявительница, и она проявила лишь то, что таилось в глубине России. Формы старого строя сдерживали проявления многих русских свойств, вводили их в принудительные границы. Падение этих обветшалых форм привело к тому, что русский человек окончательно разнуздан и появился нагишом. Злые духи, которых видел Гоголь в их статике, вырвались на свободу и учиняют оргию. Их гримасы приводят в содрогание тело несчастной России. Для Хлестаковых и Чичиковых ныне еще больший простор, чем во времена самодержавия. И освобождение от них предполагает духовное перерождение народа, внутренний в нем переворот. Революция не является таким переворотом. Истинная духовная революция в России была бы освобождением от той

лживости, которую видел в русских людях Гоголь, и победой над той призрачностью и подменой, которые от лживости рождаются. В лжи есть легкость безответственности, она не связана ни с чем бытийственным, и на лжи можно построить самые смелые революции. Гоголю открывалось бесчестие как исконное русское свойство. Это бесчестие связано с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека. С этим же связана и нечеловеческая пошлость, которой Гоголь нас подавляет и которой он сам был подавлен. Гоголь глубже славянофилов видел Россию. У него было сильное чувство зла, которого лишены были славянофилы. В вечно-гоголевской России переплетается и смешивается трагическое и комическое. Комическое является результатом смешения и подмены. Это смешение и переплетение трагического и комического есть и в русской революции. Она вся основана на смешении и подмене, и потому в ней многое имеет природу комедии. Русская революция есть трагикомедия. Это – финал гоголевской эпопеи. И, быть может, самое мрачное и безнадежное в русской революции – это гоголевское в ней. В том, что в ней есть от Достоевского, больше просветов. России необходимо освободиться от власти гоголевских призраков.

II. Достоевский в русской революции

Если Гоголь в русской революции не сразу виден и сама постановка этой темы может вызвать сомнения, то в Достоевском нельзя не видеть пророка русской революции. Русская революция пропитана теми началами, которые прозревал Достоевский и которым дал гениально острое определение. Достоевскому дано было до глубины раскрыть диалектику русской революционной мысли и сделать из нее последние выводы. Он не остался на поверхности социально-политических идей и построений, он проник в глубину и обнажил метафизику русской революционности. Достоевский обнаружил, что русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, а не политический и социальный. Так удалось ему религиозно постигнуть природу русского социализма. Русский социализм занят вопросом о том, есть ли Бог или нет Бога. И Достоевский предвидел, как горьки будут плоды русского социализма. Он обнажил стихию русского нигилизма и русского атеизма, совершенно своеобразного, не похожего на западный. У Достоевского был гениальный дар раскрытия глубины и обнаружения последних пределов. Он никогда не остается в середине, не останавливается на состояниях переходных, всегда влечет к последнему и окончательному. Его творческий художественный акт апокалиптичен, и в этом он – поистине русский национальный гений. Метод Достоевского иной, чем у Гоголя. Гоголь более совершенный художник. Достоевский прежде всего великий психолог и метафизик. Он вскрывает зло и злых духов изнутри душевной жизни человека и изнутри его диалектики мысли. Все творчество Достоевского есть антропологическое откровение, –

откровение человеческой глубины, не только душевной, но и духовной глубины. Ему раскрываются те мысли человеческие и те страсти человеческие, которые представляют уже не психологию, а онтологию человеческой природы. У Достоевского, в отличие от Гоголя, всегда остается образ человека и раскрывается судьба человека изнутри. Зло не истребляет окончательно человеческого образа. Достоевский верит, что путем внутренней катастрофы зло может перейти в добро. И потому творчество его менее жутко, чем творчество Гоголя, которое не оставляет почти никакой надежды.

На Достоевском, величайшем русском гении, можно изучать природу русского мышления, его положительные и отрицательные полюсы. Француз – догматик или скептик, догматик на положительном полюсе своей мысли и скептик на отрицательном полюсе. Немец – мистик или критицист, мистик на положительном полюсе и критицист на отрицательном. Русский же – апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе. Русский случай – самый крайний и самый трудный. Француз и немец могут создавать культуру, ибо культуру можно создавать догматически и скептически, можно создавать ее мистически и критически. Но трудно, очень трудно создавать культуру апокалиптически и нигилистически. Культура может иметь под собой глубину, догматическую и мистическую, но она предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное. Апокалиптическое и нигилистическое самочувствие свергает всю середину жизненного процесса, все исторические ступени, не хочет знать никаких ценностей культуры, оно устремляет к концу, к пределу. Эти противоположности легко переходят друг в друга. Апокалиптичность легко переходит в нигилизм, может оказаться нигилистической по отношению к величайшим ценностям земной исторической жизни, ко всей культуре. Нигилизм же неуловимо может приобрести апокалиптическую окраску, может казаться требованием конца. И у русского человека так перемешано и так спутано апокалиптическое и нигилистическое, что трудно бывает различить эти полярно противоположные начала. Не легко бывает решить, почему русский человек отрицает государство, культуру, родину, нормативную мораль, науку и искусство, почему требует он абсолютного обнищания; из апокалиптичности своей или нигилистичности своей. Русский человек может произвести нигилистический погром как погром апокалиптический; он может обнажиться, сорвать все покровы и явиться нагишом как потому, что он нигилист и все отрицает, так и потому, что он полон апокалиптических предчувствий и ждет конца мира. У русских сектантов апокалипсис переплетается и смешивается с нигилизмом. То же происходит и в русской интеллигенции. Русское искание правды жизни всегда принимает апокалиптический или нигилистический характер. Это – глубоко национальная черта. Это создает почву для смешений и подмен, для

лжерелигий. В самом русском атеизме есть что-то от духа апокалиптического, совсем не похожее на атеизм западный. И в русском нигилизме есть лжерелигиозные черты, есть какая-то обратная религия. Это многих соблазняет и вводит в заблуждение. Достоевский до глубины раскрыл апокалипсис и нигилизм в русской душе. Поэтому он и угадал, какой характер примет русская революция. Он понял, что революция совсем не то у нас означает, что на Западе, и потому она будет страшнее и предельнее западных революций. Русская революция – феномен религиозного порядка, она решает вопрос о Боге. И это нужно понимать в более глубоком смысле, чем понимается антирелигиозный характер революции французской или религиозный характер революции английской.

Для Достоевского проблема русской революции, русского нигилизма и социализма, религиозного по существу, это – вопрос о Боге и о бессмертии. «Социализм есть не только рабочий вопрос или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю» («Братья Карамазовы»). Можно было бы даже сказать, что вопрос о русском социализме и нигилизме – вопрос апокалиптический, обращенный к всеразрешающему концу. Русский революционный социализм никогда не мыслился как переходное состояние, как временная и относительная форма устройства общества, он мыслился всегда как окончательное состояние, как царство Божие на земле, как решение вопроса о судьбах человечества. Это – не экономический и не политический вопрос, а прежде всего вопрос духа, вопрос религиозный. «Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют? Вот, наприм<ер>, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол... О чем они будут рассуждать? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца». Эти русские мальчики никогда не были способны к политике, к созиданию и устройению общественной жизни. Все перемешалось в их головах, и, отвергнув Бога, они сделали Бога из социализма и анархизма, они захотели переделать все человечество по новому штату и увидели в этом не относительную, а абсолютную задачу. Русские мальчики были нигилисты-апокалиптики. Начали они с того, что вели бесконечные разговоры в вонючих трактирах. И трудно было поверить, что эти разговоры о замене Бога социализмом и анархизмом и о переделке всего человечества по новому штату могут стать определяющей силой в русской истории и сокрушить Великую Россию. Русские мальчики давно уже провозгласили, что все дозволено, если нет Бога и бессмертия. Осталось блаженство на земле как цель. На этой почве и вырос русский нигилизм, который казался многим наивным и благожелательным людям очень невинным и милым явлением. Многие даже видели в нем нравственную правду, но искаженную

умственным заблуждением. Даже Вл. Соловьев не понял опасности русского нигилизма, когда шутливо формулировал credo русских мальчиков таким образом: «человек произошел от обезьяны, следовательно, будем любить друг друга». Достоевский глубже проник в тайники русского нигилизма и почувствовал опасность. Он раскрыл диалектику русского нигилизма, его сокровенную метафизику.

Философом русского нигилизма и атеизма является Иван Карамазов. Он провозглашает бунт против Бога и против Божьего мира из очень высоких мотивов, – он не может примириться с слезинкой невинно замученного ребенка. Иван ставит Алеше вопрос очень остро и радикально: «Скажи мне сам прямо, я зову тебя, отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для того необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание; согласился бы ты быть архитектором на этих условиях?» Иван ставит тут вековечную проблему о цене истории, о допустимости тех жертв и страданий, которыми покупается создание государств и культур. Это вопрос русский по преимуществу, проклятый вопрос, который русские мальчики предъявили всемирной истории. В вопрос этот был вложен весь русский моральный пафос, оторванный от религиозных истоков. На вопросе этом морально обосновался русский революционно-нигилистический бунт, который и провозглашает Иван. «В окончательном результате я мира этого Божьего – не принимаю, и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять». «Для чего признавать это чортово добро и зло, когда это столького стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к Боженьке». «От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоят она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к Боженьке... Я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которые необходимы были для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены... Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу... Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно... Не Бога я не принимаю, а только билет Ему почтительнейше возвращаю». Тема, поставленная Иваном Карамазовым, сложна, и в ней переплетается несколько мотивов. Устами Ивана Карамазова Достоевский произносит суд над позитивными теориями прогресса и над утопиями грядущей гармонии, воздвигнутой на страданиях и слезах предшествующих поколений. Весь прогресс человечества и все грядущее его совершенное устройство ничего не стоят перед несчастной судьбой каждого человека, самого последнего из смертных. В этом есть христианская правда.

Но острое вопроса, поставленного Иваном, совсем не в этом. Он ставит вопрос свой не как христианин, верующий в божественный смысл жизни, а как атеист и нигилист, отрицающий божественный смысл жизни, видящий лишь бессмыслицу и неправду с ограниченной человеческой точки зрения. Это – бунт против божественного миропорядка, непринятие человеческой судьбы, определенной Божьим промыслом. Это – распря человека с Богом, нежелание принять страдание и жертвы, постигнуть смысл нашей жизни как искупление. Весь бунтующий ход мыслей Ивана Карамазова есть проявление крайнего рационализма, есть отрицание тайны человеческой судьбы, непостижимой в пределах и границах этого отрывка земной, эмпирической жизни. Рационально постигнуть в пределах земной жизни, почему был замучен невинный ребенок, невозможно. Самая постановка такого вопроса – атеистична и безбожна. Вера в Бога и в Божественный миропорядок есть вера в глубокий, сокровенный смысл всех страданий и испытаний, выпадающих на долю всякого существа в его земном странствовании. Утереть слезинку ребенка и облегчить его страдания есть дело любви. Но пафос Ивана не любовь, а бунт. У него есть ложная чувствительность, но нет любви. Он бунтует потому, что не верит в бессмертие, что для него все исчерпывается этой бессмысленной эмпирической жизнью, полной страданий и горя. Типичный русский мальчик, он принял западные отрицательные гипотезы за аксиомы и поверил в атеизм.

Иван Карамазов – мыслитель, метафизик и психолог, и он дает углубленное философское обоснование смутным переживаниям неисчислимого количества русских мальчиков, русских нигилистов и атеистов, социалистов и анархистов. В основе вопроса Ивана Карамазова лежит какая-то ложная русская чувствительность и сантиментальность, ложное сострадание к человеку, доведенное до ненависти к Богу и божественному смыслу мировой жизни. Русские сплошь и рядом бывают нигилистами-бунтарями из ложного морализма. Русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святыни, он не выносит страданий, не хочет жертв. Но он же ничего не сделает реально, чтобы слез было меньше, он увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях. В нигилистическом морализме русского человека нет нравственного закала характера, нет нравственной суровости перед лицом ужасов жизни, нет жертвостойкости и отречения от произвола. Русский нигилист-моралист думает, что он любит человека и сострадает человеку более, чем Бог, что он исправит замысел Божий о человеке и мире. Невероятная притязательность характерна для этого душевного типа. Из истории, которую русские мальчики делали Богу по поводу слезинки ребенка и слез народа, из их возвышенных разговоров по трактирам родилась идеология русской революции. В ее основе лежит атеизм и неверие в бессмертие. Неверие в бессмертие порождает ложную чувствительность и сострадательность. Бесконечные декламации о страданиях народа, о зле

государства и культуры, основанных на этих страданиях, вытекали из этого богоборческого источника. Само желание облегчить страдание народа было праведно, и в нем мог обнаружиться дух христианской любви. Это и ввело многих в заблуждение. Не заметили смещения и подмены, положенных в основу русской революционной морали, антихристовых соблазнов этой революционной морали русской интеллигенции. Заметил это Достоевский, он вскрыл духовную подпочву нигилизма, заботящегося о благе людей, и предсказал, к чему приведет торжество этого духа. Достоевский понял, что великий вопрос об индивидуальной судьбе каждого человека совершенно иначе решается в свете сознания религиозного, чем в тьме сознания революционного, претендующего быть лже-религией.

Достоевский раскрыл, что природа русского человека является благоприятной почвой для антихристовых соблазнов. И это было настоящим открытием, которое и сделало Достоевского провидцем и пророком русской революции. Ему дано было внутреннее видение и видение духовной сущности русской революции и русских революционеров. Русские революционеры, апокалиптики и нигилисты по своей природе, пошли за соблазнами антихриста, который хочет осчастливить людей, и должны были привести соблазненный ими народ к той революции, которая нанесла страшную рану России и превратила русскую жизнь в ад. Русские революционеры хотели всемирного переворота, в котором сгорит весь старый мир с его злом и тьмой и с его святынями и ценностями и на пепелище подымется новая, благодатная для всего народа и для всех народов жизнь. На меньшем, чем всемирное счастье, русский революционер помириться не хочет. Сознание его апокалиплично, он хочет конца, хочет завершения истории и начала процесса сверхисторического, в котором осуществится царство равенства, свободы и блаженства на земле. Ничего переходного и относительного, никаких ступеней развития сознания это не допускает. Русский революционный максимализм и есть своеобразная, извращенная апокалиптика. Обратной стороной ее всегда является нигилизм. Нигилистическое истребление всего множественного и относительного исторического мира неизбежно распространяется и на абсолютные духовные основы истории. Русский нигилизм не принимает самого источника исторического процесса, который заложен в божественной действительности, он бунтует против божественного миропорядка, в котором задана история со своими ступенями, со своей неотвратимой иерархичностью. У самого Достоевского были соблазны русского максимализма и русского религиозного народничества. Но была в нем и положительная религиозная сила, сила пророческая, помогавшая ему раскрыть русские соблазны и изобличить их. Рассказанная русским атеистом Иваном Карамазовым «Легенда о Великом Инквизиторе», по силе и глубине своей сравнимая лишь с священными письменами, раскрывает внутреннюю диалектику антихристовых соблазнов. То, что Достоевский давал антихристовым соблазнам католическое обличье, несущественно и должно быть отнесено к

его недостаткам и слабостям. Дух Великого Инквизитора может являться и действовать в разных облициях и формах, он в высшей степени способен к перевоплощению. И Достоевский отлично понимал, что в революционном социализме действует дух Великого Инквизитора. Революционный социализм не есть экономическое и политическое учение, не есть система социальных реформ, – он претендует быть религией, он есть вера, противоположная вере христианской.

Религия социализма вслед за Великим Инквизитором принимает все три искушения, отвергнутые Христом в пустыне во имя свободы человеческого духа. Религия социализма принимает соблазн превращения камней в хлеб, соблазн социального чуда, соблазн царства этого мира. Религия социализма не есть религия свободных сынов Божьих, она отрекается от первородства человека, она есть религия рабов необходимости, детей праха. Религия социализма говорит словами Великого Инквизитора: «Все будут счастливы, все миллионы людей». «Мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим их жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. Мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны». «Мы дадим им счастье слабосильных существ, какими они и созданы». Религия социализма говорит религии Христа: «Ты гордишься твоими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоим всех. У нас все будут счастливы... Мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей». Религия социализма, подобно Великому Инквизитору, упрекает религию Христа в недостаточной любви к людям. Во имя любви к людям и сострадания к людям, во имя счастья и блаженства людей на земле эта религия отвергает свободную, богоподобную природу человека. Религия хлеба небесного – аристократическая религия, это – религия избранных, религия «десятка тысяч великих и сильных». Религия же «остальных миллионов, многочисленных, как песок морской, слабых»{21} – есть религия хлеба земного. Эта религия написала на знамени своем: «накорми, тогда и спрашивай с них добродетели». Достоевский гениально прозревал духовные основы социалистического муравейника. Он религиозно познал, что социалистический коллективизм есть лже-соборность, лже-церковь, которая несет с собой смерть человеческой личности, образу и подобию Божьему в человеке, конец свободе человеческого духа. Самые сильные и огненные слова были сказаны против религии социализма Достоевским. И он же почувствовал, что для русских социализм есть религия, а не политика, не социальное реформирование и строительство. Что диалектика Великого Инквизитора может быть применена к религии социализма и применялась самим Достоевским, видно из того, что многие революционеры у него повторяют ход мыслей Великого Инквизитора. То же самое говорит и Петр Верховенский, и на том же базисе построена шигалевщина. Эти мысли были еще у героя «Записок из подполья», когда он говорил «о джентльмене с насмешливой и ретроградной физиономией», который ниспровергнет все

грядущее социальное благополучие, весь благоустроенный муравейник будущего. И герой «Записок из подполья» противопоставляет этому социалистическому муравейнику свободу человеческого духа. Достоевский – религиозный враг социализма, он изобличитель религиозной лжи и религиозной опасности социализма. Он один из первых почувствовал в социализме дух антихриста. Он понял, что в социализме антихристов дух прельщает человека обликом добра и человеколюбия. И он же понял, что русский человек легче, чем человек западный, идет за этим соблазном, прельщается двоящимся образом антихриста по апокалиптической своей природе. Вражда Достоевского к социализму менее всего означает, что он был сторонником и защитником какого-либо «буржуазного» строя. Он даже исповедывал своеобразный православный социализм. Но дух этого православного социализма ничего общего не имеет с духом революционного социализма, он во всем ему противоположен. Как почвенник и своеобразный славянофил, Достоевский видел в русском народе противоядие против соблазнов революционного, атеистического социализма. Он исповедывал религиозное народничество. Я думаю, что вся эта религиозно-народническая, почвенно-славянофильская идеология Достоевского была его слабой, а не сильной стороной и находилась в противоречии с его гениальными прозрениями как художника и метафизика. Сейчас можно даже прямо сказать, что Достоевский ошибся, что в русском народе не оказалось противоядия против антихристовых соблазнов той религии социализма, которую понесла ему интеллигенция. Русская революция окончательно сокрушила все иллюзии религиозного народничества, как и всякого народничества. Но иллюзии самого Достоевского не помешали ему раскрыть духовную природу русской религии социализма и предсказать последствия, к которым она приведет. В «Братьях Карамазовых» дана внутренняя диалектика, метафизика русской революции. В «Бесах» дан образ осуществления этой диалектики.

Достоевский открыл одержимость, бесноватость в русских революционерах. Он почувствовал, что в революционной стихии активен не сам человек, что им владеют не человеческие духи. Когда в дни осуществляющейся революции перечитываешь «Бесы», то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было все так предвидеть и предсказать. В маленьком городе, во внешне маленьких масштабах давно уже разыгралась русская революция и вскрылись ее духовные первоосновы, даны были ее духовные первообразы. Поводом к фабуле «Бесов» послужило нечаевское дело. Левые круги наши увидели тогда в «Бесах» карикатуру, почти пасквиль на революционное движение и революционных деятелей. «Бесы» были внесены в index книг, осужденных «прогрессивным» сознанием. Понять всю глубину и правду «Бесов» можно лишь в свете иного сознания, сознания религиозного; эта глубина и эта правда ускользают от сознания позитивистического. Если рассматривать этот роман как реалистический, то многое в нем неправдоподобно и не соответствует действительности того

времени. Но все романы Достоевского неправдоподобны, все они написаны о глубине, которую нельзя увидеть на поверхности действительности, все они были пророчеством. Пророчество приняли за пасквиль. Сейчас, после опыта русской революции, даже враги Достоевского должны признать, что «Бесы» – книга пророческая. Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции. Русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии, не может не быть беснованием, исступленным и вихревым кружением. Это исступленное вихревое кружение и описано в «Бесах». Там происходит оно в небольшом городке. Ныне происходит оно по всей необъятной земле русской. И начало это исступленное вихревое кружение от того же духа, от тех же начал, от которых пошло оно и в том же маленьком городке. Ныне водители русской революции поведали миру русский революционный мессианизм, они несут народам Запада, пребывающим в «буржуазной» тьме, свет с Востока. Этот русский революционный мессианизм был раскрыт Достоевским и понят им как негатив какого-то позитива, как извращенный апокалипсис, как вывернутый наизнанку положительный русский мессианизм, не революционный, а религиозный. Все герои «Бесов» в той или иной форме проповедуют русский революционный мессианизм, все они одержимы этой идеей. У колеблющегося и раздвоенного Шатова перемешано сознание славянофильское с сознанием революционным. Такими Шатовыми полна русская революция. Все они, как и Шатов Достоевского, готовы в исступлении выкрикивать, что русский революционный народ – народ-богоносец, но в Бога они не верят. Некоторые из них хотели бы верить в Бога – и не могут; большинство же довольствуется тем, что верит в богоносный революционный народ. В типичном народнике Шатове перемешаны элементы революционные с элементами реакционными, «черносотенными». И это характерно. Шатов может быть и крайним левым и крайним правым, но и в том и в другом случае он остается народолюбцем, демократом, верующим прежде всего в народ. Такими Шатовыми полна русская революция; у всех у них не разберешь, где кончается их крайняя левость и революционность и начинается крайняя правость и реакционность. Они всегда враги культуры, враги права, всегда истребляют свободу лица. Это они утверждают, что Россия выше цивилизации и что никакой закон для нее не писан. Эти люди готовы истребить Россию во имя русского мессианизма. У Достоевского была слабость к Шатову, он в себе самом чувствовал шатовские соблазны. Но силой своего художественного прозрения он сделал образ Шатова отталкивающим и отрицательным.

В центре революционного беснования стоит образ Петра Верховенского. Это и есть главный бес русской революции. В образе Петра Верховенского Достоевский обнажил более глубокий слой революционного беснования, в действительности прикрытый и невидимый. Петр Верховенский может иметь и более благообразный вид. Но Достоевский

сорвал с него покровы и обнажил его душу. Тогда образ революционного беснования предстал во всем своем безобразии. Он весь трясется от бесовской одержимости, вовлекая всех в иступленное вихревое кружение. Всюду он в центре, он за всеми и за всех. Он – бес, вселяющийся во всех и овладевающий всеми. Но и сам он бесноватый. Петр Верховенский прежде всего человек совершенно опустошенный, в нем нет никакого содержания. Бесы окончательно овладели им и сделали его своим послушным орудием. Он перестал быть образом и подобием Божиим, в нем потерян уже лик человеческий. Одержимость ложной идеей сделала Петра Верховенского нравственным идиотом. Он одержим был идеей всемирного переустройства, всемирной революции, он поддался соблазнительной лжи, допустил бесов овладеть своей душой и потерял элементарное различие между добром и злом, потерял духовный центр. В образе Петра Верховенского мы встречаемся с уже распавшейся личностью, в которой нельзя уже нащупать ничего онтологического. Он весь есть ложь и обман, и он всех вводит в обман, повергает в царство лжи. Зло есть изолгание бытия, лже-бытие, небытие. Достоевский показал, как ложная идея, охватившая целиком человека и доведшая его до беснования, ведет к небытию, к распадению личности. Достоевский был большой мастер в обнаружении онтологических последствий лживых идей, когда они целиком овладевают человеком. Какая же идея овладела целиком Петром Верховенским и довела личность его до распада, превратила его в лжеца и сеятеля лжи? Это все та же основная идея русского нигилизма, русского социализма, русского максимализма, все та же inferнальная страсть к всемирному уравниванию, все тот же бунт против Бога во имя всемирного счастья людей, все та же подмена царства Христова царством антихриста. Таких бесноватых Верховенских много в русской революции, они повсюду стараются вовлечь в бесовское вихревое движение, они пропитывают русский народ ложью и влекут его к небытию. Не всегда узнают этих Верховенских, не все умеют проникнуть вглубь, за внешние покровы. Хлестаковых революции легче различить, чем Верховенских, но и их не все различают, и толпа возносит их и венчает славой.

Достоевский предвидел, что революция в России будет безрадостной, жуткой и мрачной, что не будет в ней возрождения народного. Он знал, что немалую роль в ней будет играть Федька-каторжник и что победит в ней шигалевщина. Петр Верховенский давно уже открыл ценность Федьки-каторжника для дела русской революции. И вся торжествующая идеология русской революции есть идеология шигалевщины. Жутко в наши дни читать слова Верховенского: «В сущности наше учение есть отрицание чести, и откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно». И ответ Ставрогина: «Право на бесчестье – да это все к нам прибегут, ни одного там не останется!» И русская революция провозгласила «право на бесчестье», и все побежали за ней. А вот не менее важные слова: «Социализм у нас распространяется преимущественно из сентиментальности». Бесчестье и сентиментальность – основные начала

русского социализма. Эти начала, увиденные Достоевским, и торжествуют в революции. Петр Верховенский видел, какую роль в революции будут играть «чистые мошенники». «Ну, это, пожалуй, хороший народ, иной раз выгодны очень, но на них много времени идет, неусыпный надзор требуется». И дальше размышляет П. Верховенский о факторах русской революции: «Самая главная сила – цемент все связующий, это стыд собственного мнения. Вот это так сила! И кто это работал, кто этот “миленький” трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого в голове! За стыд почитают». Это было очень глубокое проникновение в революционную Россию. В русской революционной мысли всегда был «стыд собственного мнения». Этот стыд почитался у нас за коллективное сознание, сознание более высокое, чем личное. В русской революции окончательно угасло всякое индивидуальное мышление, мышление сделалось совершенно безличным, массовым. Почитайте революционные газеты, прислушайтесь к революционным речам, и вы получите подтверждение слов Петра Верховенского. Кто-то потрудился-таки над тем, чтобы «ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого в голове». Русский революционный мессианизм предоставляет собственные идеи и мнения буржуазному Западу. В России все должно быть коллективом, массовым, безличным. Русский революционный мессианизм есть шигалевщина. Шигалевщина движет и правит русской революцией.

«Шигалев смотрел так, как будто ждал разрушения мира, и не то, чтобы когда-нибудь, по пророчествам, которые могли бы и не состояться, а совершенно определенно, так этак послезавтра утром, ровно в двадцать пять минут одиннадцатого». Все русские революционеры-максималисты смотрят так, как смотрел Шигалев, все ждут разрушения старого мира послезавтра утром. И тот новый мир, который возникнет на развалинах старого мира, есть мир шигалевщины. «Выходя из безграничной свободы, – говорит Шигалев, – я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что, кроме моего разрешения общественной формулы, не может быть никакого». Все революционные Шигалевы так говорят и так поступают. Петр Верховенский так формулирует сущность шигалевщины Ставрогину: «Горы сравнять – хорошая мысль, не смешная. Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию... Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство... Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое». В этих изумительных по своей пророческой силе словах Достоевский устами П. Верховенского приводит все к ходу мыслей Великого

Инквизитора. Это доказывает, что в «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевский в значительной степени имел в виду социализм. Достоевский обнаруживает всю призрачность демократии в революции. Никакой демократии не существует, правит тираническое меньшинство. Но тирания эта, неслыханная в истории мира, будет основана на всеобщем принудительном уравнении. Шигалевщина и есть исступленная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела, до небытия. Безбрежная социальная мечтательность ведет к истреблению бытия со всеми его богатствами, она у фанатиков перерождается в зло. Социальная мечтательность совсем не невинная вещь. Это понимал Достоевский. Русская революционно-социалистическая мечтательность и есть шигалевщина. Во имя равенства мечтательность эта хотела бы истребить Бога и Божий мир. В той тирании и том абсолютном уравнении, которыми увенчалось «развитие и углубление» русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции. Это были сны и мечты о царстве шигалевщины. Многим оно представлялось более прекрасным, чем оказалось в действительности. Многих наивных и простодушных русских социалистов, мечтавших о социальной революции, смущают торжествующие крики: «Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!» Достоевский был более проницателен, чем признанные учителя русской интеллигенции, он знал, что русский революционизм, русский социализм в час своего торжества должен кончиться этими шигалевскими выкриками.

Достоевский предвидел торжество не только шигалевщины, но и смердяковщины. Он знал, что подыметесь в России лакей и в час великой опасности для нашей родины скажет: «я всю Россию ненавижу», «я не только не желаю быть военным гусаром, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с». На вопрос: «а когда неприятель придет, кто же нас защищать будет?», бунтующий лакей ответил – «в двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки». Пораженчество во время войны и было таким явлением смердяковщины. Смердяковщина и привела к тому, что «умная нация» немецкая покоряет теперь «глупую» нацию русскую. Лакей Смердяков был у нас одним из первых интернационалистов, и весь наш интернационализм получал смердяковскую прививку. Смердяков предъявил право на бесчестье, и за ним многие побежали. Как это глубоко у Достоевского, что Смердяков есть другая половина Ивана Карамазова, обратное его подобие. Иван Карамазов и Смердяков – два явления русского нигилизма, две стороны одной и той же сущности. Иван Карамазов – высокое, философское явление нигилизма; Смердяков – низкое, лакейское его явление. Иван Карамазов на

вершине умственной жизни должен породить Смердякова в низинах жизни. Смердяков и осуществляет всю атеистическую диалектику Ивана Карамазова. Смердяков – внутренняя кора Ивана. Во всякой массе человеческой, массе народной больше Смердяковых, чем Иванов. И в революции, как движении масс, количеств, больше Смердяковых, чем Иванов. В революции торжествует атеистическая диалектика Ивана Карамазова, но осуществляет ее Смердяков. Это он сделал на практике вывод, что «все дозволено». Иван совершает грех в мысли, в духе, Смердяков совершает его на деле, воплощает идею Ивана. Иван совершает отцеубийство в мыслях. Смердяков совершает отцеубийство физически, на самом деле. Атеистическая революция всегда совершает отцеубийство, всегда отрицает отчество, всегда порывает связь сына с отцом. И оправдывает она это преступление тем, что отец был очень дурен и грешен. Такое убийственное отношение к отцу всегда есть смердяковщина. Смердяковщина и есть последнее проявление хамства. Совершив на деле то, что Иван совершил в мысли, Смердяков спрашивает Ивана: «Вы вот сами тогда все говорили, что все позволено, а теперь-то почему так встревожены сами-то-с?» Этот вопрос Смердякова Ивану повторяется и в русской революции. Смердяковы революции, осуществив на деле принцип Ивана «все дозволено», имеют основание спросить Иванов революции: «теперь-то почему так встревожены сами-то-с?» Достоевский предвидел, что Смердяков возненавидит Ивана, обучившего его атеизму и нигилизму. И это разыгрывается в наши дни между «народом» и «интеллигенцией». Вся трагедия между Иваном и Смердяковым была своеобразным символом раскрывающейся трагедии русской революции. Проблема о том, все ли дозволено для торжества блага человечества, стояла уже перед Раскольниковым. Старец Зосима говорит: «Воистину у них мечтательной фантазии более, чем у нас! Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибает мечом. И если бы не обетование Христово, то так и истребили бы друг друга даже до последних двух человек на земле». Эти слова – пророческие.

«Люди совокупятся, чтоб взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человекобог... Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как бог. Он из гордости поймет, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновение, и возлюбит брата своего уже безо всякой мзды. Любовь будет удовлетворять лишь мгновению жизни, но одно уже сознание ее мгновенности усилит огонь ее настолько, насколько прежде расплывалась она в упованиях на любовь загробную и бесконечную». Это говорит черт Ивану, и в словах этих раскрывается мучившая Достоевского мысль, что любовь к людям может быть безбожной и антихристовой. Эта любовь лежит в основе революционного социализма. Образ этого безбожного социализма, основанного на антихристовой любви, предносится Версилкову:

«Я представляю себе, что бой уже кончился и борьба улеглась. После проклятий, комьев грязи и свистков настало затишье, и люди остались одни, как желали: великая прежняя идея оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, но это был уже как бы последний день человечества. И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни, и разом почувствовали великое сиротство... Осиротевшие люди тотчас же стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют все друг для друга! Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее... Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою проходимость и конечность, и уже особенную, уже не прежнюю любовью... Они просыпались бы и спешили бы целовать друг друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это – все, что у них остается. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем свое состояние и тем одним был бы счастлив». В этой фантазии раскрывается метафизика и психология безбожного социализма. Достоевский живописует явление антихристовой любви. Он понял, как никто, что духовная основа социализма – отрицание бессмертия, что пафос социализма – желание устроить царство Божье на земле без Бога, осуществить любовь между людьми без Христа – источника любви. Так раскрывает он религиозную ложь гуманизма в его предельных проявлениях. Гуманистический социализм ведет к истреблению человека как образа и подобия Божья, он направлен против свободы человеческого духа, не выдерживает испытания свободы. Достоевский с небывшей еще остротой поставил религиозный вопрос о человеке и сопоставил его с вопросом о социализме, о земном соединении и устройении людей. Это раскрылось ему как встреча и смешение Христа и антихриста в душе русского человека, русского народа. Апокалиптичность русского народа и делает эту встречу и это смешение особенно острым и трагическим. Достоевский предчувствовал, что если будет в России революция, то она будет осуществлением антихристовой диалектики. Русский социализм будет апокалиптикой, противоположной христианству. Достоевский видел дальше и глубже всех. Но сам он не был свободен от русских народнических иллюзий. В его русском христианстве были стороны, которые давали основание К. Леонтьеву назвать его христианство розовым. Это розовое христианство и розовое народничество более всего сказались в образах Зосимы и Алеши, которые нельзя назвать вполне удачными. Великие положительные откровения Достоевского даются отрицательным путем, путем отрицательной художественной диалектики. Правда, сказанная им о России, не есть слащавая и розовая правда народолюбия и народопоклонства, это – правда трагическая, правда об антихристовых соблазнах народа апокалиптического по своему духу. Сам Достоевский соблазнился церковным национализмом, который мешал русскому народу выйти во вселенскую ширь. Народопоклонство Достоевского потерпело крах в русской революции. Его

положительные пророчества не сбылись. Но торжествуют его пророческие прозрения русских соблазнов.

III. Л. Толстой в русской революции

В Толстом нет ничего пророческого, он ничего не предчувствовал и не предсказывал. Как художник он обращен к кристаллизованному прошлому. В нем не было той чуткости к динамизму человеческой природы, которая в высшей степени была у Достоевского. Но в русской революции торжествуют не художественные прозрения Толстого, а моральные его оценки. Л. Толстой, как искатель правды жизни, как моралист и религиозный учитель, очень характерен для России и русских. Толстовцев в узком смысле слова, разделяющих доктрину Толстого, мало, и они представляют незначительное явление. Но толстовство в широком, не доктринальном смысле слова очень характерно для русского человека, оно определяет русские моральные оценки. Толстой не был прямым учителем русской левой интеллигенции, ей было чуждо толстовское религиозное учение. Но Толстой уловил и выразил особенности морального склада большей части русской интеллигенции, быть может, даже русского человека вообще. И русская революция являет собой своеобразное торжество толстовства. На ней отпечатлелся и русский толстовский морализм, и русская аморальность. Этот русский морализм и эта русская аморальность связаны между собой и являются двумя сторонами одной и той же болезни нравственного сознания. Болезнь русского нравственного сознания я вижу прежде всего в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести, в отсутствии сознания нравственной ценности подбора личных качеств. Русский человек не чувствует себя в достаточной степени нравственно вменяемым, и он мало почитает качества в личности. Это связано с тем, что личность чувствует себя погруженной в коллектив, личность недостаточно еще раскрыта и сознана. Такое состояние нравственного сознания порождает целый ряд претензий, обращенных к судьбе, к истории, к власти, к культурным ценностям, для данной личности недоступным. Моральная настроенность русского человека характеризуется не здоровым вменением, а болезненной претензией. Русский человек не чувствует неразрывной связи между правами и обязанностями, у него затемнено и сознание прав и сознание обязанностей, он утопает в безответственном коллективизме, в претензии за всех. Русскому человеку труднее всего почувствовать, что он сам – кузнец своей судьбы. Он не любит качеств, повышающих жизнь личности, и не любит силы. Всякая сила, повышающая жизнь, представляется русскому человеку нравственно подозрительной, скорее злой, чем доброй. С этими особенностями морального сознания связано и то, что русский человек берет под нравственное подозрение ценности культуры. Ко всей высшей культуре он предъявляет целый ряд нравственных претензий и не чувствует нравственной

обязанности творить культуру. Все эти особенности и болезни русского нравственного сознания представляют благоприятную почву для возникновения учения Толстого.

Толстой – индивидуалист, и очень крайний индивидуалист. Он совершенно антиобществен, для него не существует проблемы общественности. Индивидуалистична и толстовская мораль. Но ошибочно было бы сделать отсюда заключение, что толстовская мораль покоится на ясном и твердом сознании личности. Толстовский индивидуализм решительно враждебен личности, как это и всегда бывает с индивидуализмом. Толстой не видит лица человеческого, не знает лица, он весь погружен в природный коллективизм, который представляется ему жизнью божественной. Жизнь личности не представляется ему истинной, божественной жизнью, это – ложная жизнь этого мира. Истинная, божественная жизнь есть жизнь безличная, общая жизнь, в которой исчезли все качественные различия, все иерархические расстояния. Нравственное сознание Толстого требует, чтобы не было больше человека как самобытного, качественного бытия, а была только всеобщая, бескачественная божественность, уравнивание всех и всего в безличной божественности. Только полное уничтожение всякого личного и разнокачественного бытия в безличной и бескачественной всеобщности представляется Толстому выполнением закона Хозяина жизни. Личность, качественность есть уже грех и зло. И Толстой хотел бы последовательно истребить все, что связано с личностью и качественностью. Это в нем восточная, буддийская настроенность, враждебная христианскому Западу. Толстой делается нигилистом из моралистического рвения. Поистине демоничен его морализм и истребляет все богатства бытия. Эгалитарная и нигилистическая страсть Толстого влечет его к истреблению всех духовных реальностей, всего подлинно онтологического. Не знающая границ моралистическая претензия Толстого все делает призрачным, она отдает под подозрение и низвергает реальность истории, реальность церкви, реальность государства, реальность национальности, реальность личности и реальность всех сверхличных ценностей, реальность всей духовной жизни. Все представляется Толстому нравственно предосудительным и недопустимым, основанным на жертвах и страданиях, к которым он испытывает чисто животный страх. Я не знаю во всемирной истории другого гения, которому была бы так чужда всякая духовная жизнь. Он весь погружен в жизнь телесно-душевную, животную. И вся религия Толстого есть требование такой всеобщей кроткой животности, освобожденной от страдания и удовлетворенной. Я не знаю в христианском мире никого, кому была бы так чужда и противна самая идея искупления, так непонятна тайна Голгофы, как Толстому. Во имя счастливой животной жизни всех отверг он личность и отверг всякую сверхличную ценность. Поистине личность и сверхличная ценность неразрывно связаны. Личность потому только и существует, что в ней есть сверхличное, ценное содержание, что она принадлежит к иерархическому миру, в котором существуют качественные

различия и расстояния. Природа личности не выносит смешения и бескачественного уравнивания. И любовь людей во Христе менее всего есть такое смешение и бескачественное уравнивание, но есть бесконечно в глубь идущее утверждение всякого лика человеческого в Боге. Толстой не знал этого, и мораль его была низменной моралью, притязательной моралью нигилиста. Мораль Ницше бесконечно выше, духовнее морали Толстого. Возвышенность толстовской морали есть великий обман, который должен быть изобличен. Толстой мешал народжению и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств, и потому он был злым гением России, соблазнителем ее. В нем совершилась роковая встреча русского морализма с русским нигилизмом и дано было религиозно-нравственное оправдание русского нигилизма, которое соблазнило многих. В нем русское народничество, столь роковое для судьбы России, получило религиозное выражение и нравственное оправдание. Почти вся русская интеллигенция признала толстовские моральные оценки самыми высшими, до каких только может подняться человек. Эти моральные оценки считали даже слишком высокими и потому себя считали недостойными их и неспособными подняться на их высоту. Но мало кто сомневается в высоте толстовского морального сознания. В то время как принятие этого толстовского морального сознания влечет за собой погром и истребление величайших святынь и ценностей, величайших духовных реальностей, смерть личности и смерть Бога, ввергнутых в безличную божественность среднего рода. У нас не относятся еще достаточно серьезно и углубленно к соблазнительной лжи толстовской морали. Противоядием против нее должны были бы быть пророческие прозрения Достоевского. Толстовская мораль восторжествовала в русской революции, но не теми идиллическими и любвеобильными путями, которые предносились самому Толстому. Толстой сам, вероятно, ужаснулся бы этому воплощению своих моральных оценок. Но он многого, слишком многого из того, что сейчас происходит, хотел. Он вызывал тех духов, которые владеют революцией, и сам был ими одержим.

Толстой был максималистом. Он отверг всякую историческую преемственность, он не хотел допустить никаких ступеней в историческом развитии. Этот толстовский максимализм осуществляется в русской революции – она движется истребляющей моралью максимализма, она дышит ненавистью ко всему историческому. И в духе толстовского максимализма русская революция хотела бы вырвать каждого человека из мирового и исторического целого, к которому он органически принадлежит, превратить его в атом для того, чтобы повергнуть его немедленно в безличный коллектив. Толстой отрицал историю и исторические задачи, он отрекался от великого исторического прошлого и не хотел великого исторического будущего. В этом русская революция верна ему, она совершает отречение от исторических заветов прошлого и исторических задач будущего, она хотела бы, чтобы русский народ не жил исторической жизнью. И подобно тому, как у Толстого, в русской революции это

максималистическое отрицание исторического мира рождается из исступленной эгалитарной страсти. Пусть будет абсолютное уравнение, хотя бы то было уравнение в небытии! Исторический мир – иерархичен, он весь состоит из ступеней, он сложен и многообразен, в нем – различия и дистанции, в нем – разнокачественность и дифференцированность. Все это так же ненавистно русской революции, как и Толстому. Она хотела бы сделать исторический мир серым, однородным, упрощенным, лишенным всех качеств и всех красок. И этому учил Толстой как высшей правде. Исторический мир разлагается на атомы, и атомы принудительно соединяются в безличном коллективе. «Без аннексий и контрибуций» и есть отвлеченное отрицание всех положительных исторических задач. Ибо поистине все исторические задачи предполагают «аннексии и контрибуции», предполагают борьбу конкретных исторических индивидуальностей, предполагают сложение и разложение исторических целостей, цветение и отцветание исторических тел.

Толстой сумел привить русской интеллигенции ненависть ко всему исторически-индивидуальному и исторически-разностному. Он был выразителем той стороны русской природы, которая питала отвращение к исторической силе и исторической славе. Это он приучал элементарно и упрощенно морализировать над историей и переносить на историческую жизнь моральные категории жизни индивидуальной. Этим он морально подрывал возможность для русского народа жить исторической жизнью, исполнять свою историческую судьбу и историческую миссию. Он морально уготовлял историческое самоубийство русского народа. Он подрезывал крылья русскому народу как народу историческому, морально отравил источники всякого порыва к историческому творчеству. Мировая война проиграна Россией потому, что в ней возобладала толстовская моральная оценка войны. Русский народ в грозный час мировой борьбы обессилили, кроме предательств и животного эгоизма, толстовские моральные оценки. Толстовская мораль обезоружила Россию и отдала ее в руки врага. И это толстовское непротивленство, эта толстовская пассивность очаровывает и увлекает тех, которые поют гимны совершенному революцией историческому самоубийству русского народа. Толстой и был выразителем непротивленческой и пассивной стороны русского народного характера. Толстовская мораль расслабила русский народ, лишила его мужества в суровой исторической борьбе, но оставила непреображенной животную природу человека с ее самыми элементарными инстинктами. Она убила в русской породе инстинкт силы и славы, но оставила инстинкт эгоизма, зависти и злобы. Эта мораль бессильна преобразить человеческую природу, но может ослабить человеческую природу, обесцветить ее, подорвать творческие инстинкты.

Толстой был крайним анархистом, врагом всякой государственности по морально-идеалистическим основаниям. Он отверг государство, как основанное на жертвах и страданиях, и видел в нем источник зла, которое для

него сводилось к насилию. Толстовский анархизм, толстовская вражда к государству также одержали победу в русском народе. Толстой оказался выразителем антигосударственных, анархических инстинктов русского народа. Он дал этим инстинктам морально-религиозную санкцию. И он один из виновников разрушения русского государства. Также враждебен Толстой всякой культуре. Культура для него основана на неправде и насилии, в ней источник всех зол нашей жизни. Человек по природе своей естественно добр и благостен и склонен жить по закону Хозяина жизни. Возникновение культуры, как и государства, было падением, отпадением от естественного божественного порядка, началом зла, насилием. Толстому было совершенно чуждо чувство первородного греха, радикального зла человеческой природы, и потому он не нуждался в религии искупления и не понимал ее. Он был лишен чувства зла, потому что лишен был чувства свободы и самобытности человеческой природы, не ощущал личности. Он был погружен в безличную, нечеловеческую природу и в ней искал источников божественной правды. И в этом Толстой оказался источником всей философии русской революции. Русская революция враждебна культуре, она хочет вернуть к естественному состоянию народной жизни, в котором видит непосредственную правду и благостность. Русская революция хотела бы истребить весь культурный слой наш, утопить его в естественной народной тьме. И Толстой является одним из виновников разгрома русской культуры. Он нравственно подрывал возможность культурного творчества, отравлял истоки творчества. Он отравил русского человека моральной рефлексией, которая сделала его бессильным и неспособным к историческому и культурному действию. Толстой – настоящий отравитель колодцев жизни. Толстовская моральная рефлексия есть настоящая отравка, яд, разлагающий всякую творческую энергию, подкапывающий жизнь. Эта моральная рефлексия ничего общего не имеет с христианским чувством греха и христианской потребностью в покаянии. Для Толстого нет ни греха, ни покаяния, возрождающего человеческую природу. Для него есть лишь обессиливающая, безблагодатная рефлексия, которая есть обратная сторона бунта против божественного миропорядка. Толстой идеализировал простой народ, в нем видел источник правды и обоготворял физический труд, в котором искал спасения от бессмыслицы жизни. Но у него было пренебрежительное и презрительное отношение ко всякому духовному труду и творчеству. Все острие толстовской критики всегда было направлено против культурного строя. Эти толстовские оценки также победили в русской революции, которая возносит на высоту представителей физического труда и низвергает представителей труда духовного. Толстовское народничество, толстовское отрицание разделения труда положены в основу моральных суждений революции, если только можно говорить о ее моральных суждениях. Поистине Толстой имеет не меньшее значение для русской революции, чем Руссо имел для революции французской. Правда, насилие и кровопролития ужаснули бы Толстого, он представлял себе осуществление своих идей иными путями. Но ведь и Руссо

ужаснули бы деяния Робеспьера и революционный террор. Но Руссо так же несет ответственность за революцию французскую, как Толстой за революцию русскую. Я даже думаю, что учение Толстого было более разрушительным, чем учение Руссо. Это Толстой сделал нравственно невозможным существование Великой России. Он много сделал для разрушения России. Но в этом самоубийственном деле он был русским, в нем сказались роковые и несчастные русские черты. Толстой был одним из русских соблазнов.

Толстовство в широком смысле этого слова – русская внутренняя опасность, принявшая обличье высочайшего добра. Сокрушить внутреннюю русскую силу только и могло это соблазнительное и ложное добро, лжедобро, эта идея безблагодатной святости, лже-святости. В толстовском учении соблазняет радикальный призыв к совершенству, к совершенному исполнению закона добра. Но это толстовское совершенство потому так истребительно, так нигилистично, так враждебно всем ценностям, так несовместимо с каким бы то ни было творчеством, что это совершенство – безблагодатное. В святости, к которой стремился Толстой, была страшная безблагодатность, богопокинутость, и потому это – ложная, злая святость. Благодатная святость не может совершать таких истреблений, не может быть нигилистической. У настоящих святых было благословение жизни, была милость. Это благословение и эта милость были прежде всего у Христа. В духе же Толстого ничего не было от духа Христова. Толстой требует немедленного и полного осуществления абсолютного, абсолютного добра в этой земной жизни, подчиненной законам грешной природы, и не допускает относительного, истребляет все относительное. Так хотел он вырвать всякое существо человеческое из мирового целого и повергнуть в пустоту, в небытие отрицательного абсолютного. И абсолютная жизнь оказывается лишь элементарной животной жизнью, протекающей в физическом труде и удовлетворении самых простых потребностей. В такое отрицательное абсолютное, пустое и нигилистическое, и хочет повергнуть русская революция всю Россию и всех русских людей. Идеал безблагодатного совершенства ведет к нигилизму. Отрицание прав относительного, т. е. всего многообразия жизни, всех ступеней истории, в конце концов отделяет от источников жизни абсолютной, от абсолютного духа. Религиозный гений апостол Павел некогда понял всю опасность превращения христианства в еврейскую апокалиптическую секту и ввел христианство в поток всемирной истории, признав и освятив право относительных ступеней. Толстой прежде всего восстал против дела апостола Павла. Вся ложь и призрачность толстовства с неотвратимой диалектикой развернулась в русской революции. В революции народ изживает свои соблазны, свои ошибки, свои ложные оценки. Это многому научает, но научение покупается слишком дорогой ценой. Необходимо освободиться от Толстого как от нравственного учителя. Преодоление толстовства есть духовное оздоровление России, ее

возвращение от смерти к жизни, к возможности творчества, возможности исполнения своей миссии в мире.

IV. Заключение

Русский человек склонен все переживать трансцендентно, а не имманентно. И это легко может быть рабским состоянием духа. Во всяком случае это – показатель недостаточной духовной возмужалости. Русская интеллигенция в огромной массе своей никогда не признавала себе имманентным государство, церковь, отечество, высшую духовную жизнь. Все эти ценности представлялись ей трансцендентно-далекими и вызывали в ней враждебное чувство, как что-то чуждое и насилующее. Никогда русская интеллигенция не переживала истории и исторической судьбы как имманентной себе, как своего собственного дела и потому вела процесс против истории как против совершающегося над ней насилия. Трансцендентные переживания в массе народной сопровождались чувством религиозного благоговения и покорности. Тогда возможно было существование Великой России. Но это трансцендентное переживание не перешло в имманентное переживание святости и ценности. Все осталось трансцендентным, но вызывает уже к себе не благоговейное и покорное отношение, а отношение нигилистическое и бунтующее. Революция и есть болезненно-катастрофический переход от благоговейного почитания трансцендентного к нигилистическому бунту против трансцендентного. Имманентная духовная зрелость и освобождение в революции не достигаются. Слишком многие увидели в имманентной морали и имманентной религии Л. Толстого наступление духовной зрелости. Но это было страшным заблуждением. В действительности имманентное сознание Толстого было нигилистическим отрицанием всех тех святых и ценностей, которые раньше почитались как трансцендентные. Но это есть лишь возвращение к изначальному рабству. Такой бунт всегда есть рабий бунт, в нем нет свободы и богосыновства. Русский нигилизм и есть неспособность имманентно и свободно пережить все богатства и ценности Божьего мира, бессилие ощутить себя сынами Божиими и собственниками всего наследия истории всемирной и истории родной. Русская же апокалиптичность нередко бывает разгоряченным ожиданием чуда, которое должно прекратить жизнь в этом отчуждении от всех богатств и преодолеть болезненный трансцендентный разрыв. Потому так затруднено для русских имманентное творческое развитие, так слабо у них чувство исторической преемственности. Есть какая-то внутренняя болезнь русского духа. Болезнь эта имеет тяжелые отрицательные последствия, но в ней раскрывается и что-то положительное, недоступное западным людям более имманентного склада. Великим русским писателям раскрывались такие бездны и пределы, которые закрыты для западных людей, более ограниченных и закованных своей имманентной душевной дисциплиной. Русская душа более чутка к мистическим веяниям,

она встречается с духами, которые закрыты для забронированной западной души. И русская душа легко поддается соблазнам, легко впадает в смешение и подмену. Не случайно предчувствие антихриста – русское предчувствие по преимуществу. Чувство антихриста и ужас антихриста были в русском народе, в низах и у русских писателей, на самых вершинах духовной жизни. И антихристов дух соблазнял русских так, как никогда не соблазнял он людей западных. В католичестве всегда было сильное чувство зла, дьявола, но почти не было чувства антихриста. Католическая душа представляла крепость, защищенную от антихристовых веяний и соблазнов. Православие не превратило душу в такого рода крепость, оно оставило ее более раскрытой. Но апокалипсис переживается русской душой пассивно, а не активно. Активных орудий борьбы с антихристовыми духами нет, эти орудия не были приготовлены. Не было лат, не было щита и меча, не было рыцарского закала души. Русская борьба с антихристом есть всегда уход, переживание ужаса. И слишком многие, не уходившие от соблазнов, поддавались этим соблазнам, смешивали, пленялись подменой. Русский человек находится во власти ложной морали, ложного идеала праведной, совершенной, святой жизни, которые ослабляли его в борьбе с соблазнами. Эту ложную мораль и ложную святость Достоевский раскрыл и предсказал их последствия, Толстой же проповедывал их.

Русская революционная мораль представляет совершенно своеобразное явление. Она образовалась и кристаллизовалась в левой русской интеллигенции в течение ряда десятилетий и сумела приобрести престиж и обаяние в широких кругах русского общества. Средний интеллигентный русский человек привык преклоняться перед нравственным образом революционеров и перед их революционной моралью. Он готов был признать себя недостойным этой моральной высоты революционного типа. В России образовался особенный культ революционной святости. Культ этот имеет своих святых, свое священное предание, свои догматы. И долгое время всякое сомнение в этом священном предании, всякая критика этих догматов, всякое непочтительное отношение к этим святым вело к отлучению не только со стороны революционного общественного мнения, но и со стороны радикального и либерального общественного мнения. Достоевский пал жертвой этого отлучения, ибо он первый вскрыл ложь и подмену в революционной святости. Он понял, что революционный морализм имеет обратной своей стороной революционный аморализм и что сходство революционной святости с христианской есть обманчивое сходство антихриста с Христом. Нравственное вырождение, которым кончилась революция 1905 г., нанесло некоторый удар престижу революционной морали, и ореол революционной святости потускнел. Но действительного излечения, на которое некоторые надеялись, не произошло. Болезнь русского нравственного сознания была слишком длительной и серьезной. Излечение может наступить лишь после страшного кризиса, когда весь организм русского народа будет близок к смерти. Мы живем в дни этого почти

смертельного кризиса. Теперь даже для людей полуслепых многое виднее, чем после 1905 года. Теперь «Вехи» не были бы встречены так враждебно в широких кругах русской интеллигенции, как в то время, когда они появились. Теперь правду «Вех» начинают признавать даже те, которые их поносили. После бесовства революции святость русской революционной интеллигенции не представляется уже столь канонически бесспорной. Духовного оздоровления России нужно искать во внутреннем изобличении этой революционной лже-святости и в освобождении от ее обаяния. Революционная святость не есть настоящая святость, это – ложная святость, обманчивая видимость святости, подмена. Внешние гонения, воздвигнутые старой властью против революционеров, внешние страдания, которые им пришлось претерпеть, очень способствовали этой обманчивой видимости святости. Но никогда в революционной святости не происходило истинного преображения человеческой природы, второго духовного рождения, победы над внутренним злом и грехом; никогда в ней не ставилось и задачи преображения человеческой природы. Человеческая природа оставалась ветхой, она пребывала в рабстве у греха и дурных страстей и хотела достигнуть новой, высшей жизни чисто внешними, материальными средствами. Но человек, фанатизированный ложной идеей, способен выносить внешние лишения, нужду и страдания, он может быть аскетом не потому, что силой своего духа преодолевает свою грешную и рабскую природу, а потому, что одержимость одной идеей и одной целью вытесняет для него все богатство и многообразие бытия и делает его естественно бедным. Это – безблагодатный аскетизм и безблагодатная бедность, нигилистический аскетизм и нигилистическая бедность. Традиционная революционная святость – безбожная святость. Это есть безбожная претензия достигнуть святости одним человеческим и во имя одного человеческого. На пути этом калечится и падает образ человека, ибо образ человека – образ и подобие Божье. Революционная мораль, революционная святость – глубоко противоположны христианству. Эта мораль и эта святость претендуют подменить и заменить христианство с его верой в богосыновство человека и в благодатные дары, стяжаемые человеком через Христа-Искупителя. Революционная мораль так же враждебна христианству, как и мораль толстовская, – одна и та же ложь и подмена их отравляет и обессиливает. Обманчивая внешность революционной святости послана была русскому народу как соблазн и испытание его духовных сил. И вот испытания этого русские люди не выдержали. Искренно увлеченные революционным духом не видят реальностей, не распознают духов. Обманчивые, лживые и двоящиеся образы пленяют и соблазняют. Антихристовы соблазны, антихристова мораль, антихристова святость пленяют и влекут русского человека. Русским людям, плененным духовно революционным максимализмом, свойственны переживания, очень родственные иудейской апокалиптике, той апокалиптике, которая была преодолена и побеждена апостолом Павлом и Христианской Церковью. Победа над этой иудейской апокалиптикой и сделала

христианство всемирно-исторической силой. Русская апокалиптика заключает в себе величайшие опасности и соблазны, она может направить всю энергию русского народа по ложному пути, она может помешать русскому народу выполнить его призвание в мире, она может сделать русский народ народом неисторическим. Революционная апокалиптика отвращает русских людей от реальностей и повергает их в царство призраков. Освобождение от этой ложной и нездоровой апокалиптики не означает истребления всякого апокалиптического сознания. В русской апокалиптичности скрыты и положительные возможности. В русской революции изживаются русские грехи и русские соблазны, то, что открывалось великим русским писателям. Но великие грехи и великие соблазны могут быть лишь у великого по своим возможностям народа. Негатив есть карикатура на позитив. Русский народ низко пал, но в нем скрыты великие возможности и ему могут раскрыться великие дали. Идея народа, замысел Божий о нем остается и после того, как народ пал, изменил своей цели и подверг свое национальное и государственное достоинство величайшим унижениям. Меньшинство может остаться верно положительной и творческой идее народа, и из него может начаться возрождение. Но путь к возрождению лежит через покаяние, через сознание своих грехов, через очищение духа народного от духов бесовских. И прежде всего необходимо начать различать духов. Старая Россия, в которой было много зла и уродства, но также и много добра и красоты, умирает. Новая Россия, рождающаяся в смертных муках, еще загадочна. Она не будет такой, какой представляют ее себе деятели и идеологи революции. Она не будет цельной по своему духовному облику. В ней более резко будут разделены и противоположены христианские и антихристианские начала. Антихристианские духи революции родят свое темное царство. Но и христианский дух России должен явить свою силу. Сила этого духа может действовать в меньшинстве, если большинство отпадет от него.